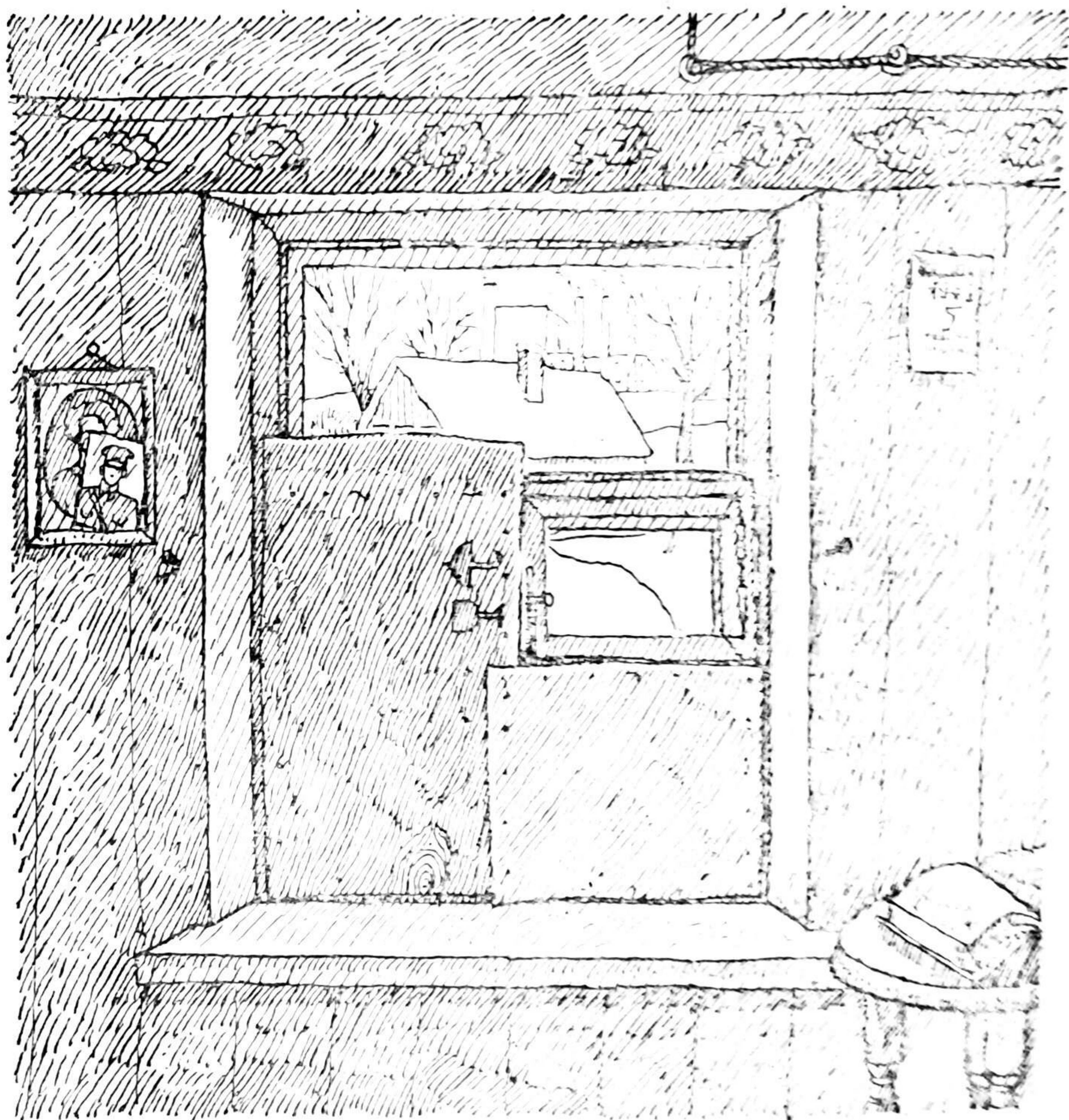

ДОМИК НА ОКРАИНЕ

Мелодрама
в двух частях,
четырёх картинах

Часть первая

Картина первая

Есть в Черкизове, на окраине Москвы, двухэтажный деревянный домик с палисадником, калиткой и скамеечкой у ворот. В первом его этаже, занимая две комнаты, живут сестры, о которых будет речь. Одна комната, та, что останется нам неизвестной, принадлежит брату Коле, он полтора года назад ушел в армию, в другой спят сестры — Вера, Любовь и Надежда, милые девушки. Когда откроется занавес, будет субботний вечер четырнадцатого июня; в те часы нас отделяла от войны всего одна неделя. Но мы не знали об этом. В низкие окна из палисадника падали лучи заходящего солнца, была чудесная погода.

Ладно, начинаю мою историю.

В своем углу, на старенькой кушетке, лежит Надежда, младшая из сестер, перед ней в пакетике сушки с тмином, она грызет их и читает растрепанную библиотечную книгу. Из Колиной комнаты слышно, как вторая сестра, Любовь, поет несложную песенку:

«Ты помнишь наши встречи
И вечер голубой,
Взволнованные речи,
Любимый мой, родной...»

Вот и сама она, Любовь Петровна Иванова, выбежала из Колиной комнаты, на ней только что купленный купальный костюм. Она очень красивая, весельчак, ей двадцать один год.

Б о в ь. Взгляни, Надя, купила на Преображенке. Хорошая вещица, верно?

д е ж д а (смотрит). Сколько заплатила?

Б о в ь. Девятнадцать сорок. (Вертится перед зеркалом, рассматривая себя с разных сторон.) А я все-таки красивая, Надька, ей-богу. Скажешь, нет?

Надежда (читает). Ты — ничего.

Любовь. Завтра воскресенье, мы как раз в Химки хотели ехать. (Подходит к Надежде.) Дай пряничка.

Надежда. Это сушки. (Протягивает пакетик.)

Любовь. Что читаешь? (Грызет сушки.)

Надежда. «Манон Леско».

Любовь. Ну, это скука, неправдоподобно написано. (Живо.)

А какой я в магазине матерьяльчик видела!..

Надежда. Презираю...

Любовь. Ну уж нет! Нынче в обносках ходить никому не интересно, не тридцатый год, слава тебе господи, а сорок первый! (Идет к зеркалу. Причесывается.) Я сегодня с завода прямо на стадион. Два часа к кроссу тренировалась. Наши-то мальчишки опять «Крылышкам» проиграли! Знаешь, какое уныние было...

Входит Вера, старшая сестра, в руках у нее какие-то папки и подшивки старых газет.

Вера. Ну, поздравляю! Опять соседский козел по нашему садику гуляет. Вхожу в калитку, а он на Надиной клумбе устроился и цветами закусывает. Еле прогнала.

Надежда (отложила книгу). Безобразие! Вот я его поймаю, обстригу бороду, тогда будет знать.

Любовь. А ты что нынче так рано? Последнюю неделю раньше ночи с завода не возвращалась.

Вера. Так... Есть разные мыслишки. (Оглядела комнату.) Ой, беспорядок у нас в комнате, девочки! (Снимает со своего стола Любин утюг.) Нет, мне такая жизнь не подходит! (Улыбнулась.) Вот что — нынче суббота, самое время уборкой заняться. Полы вымоем, окна. У меня идея есть, как стол по-новому поставить.

Любовь (занялась гимнастикой). Вон мадам Штраус на кушетке валяется, пусть займется. Она из своего ФЗО в два часа приходит, целый день лежит, бездельничает, книжки читает.

Надежда. Я после приберу.

Любовь. Когда это «после»?

Надежда. Когда захочется.

Вера. Не барствуйте, девочки, втроем и веселее и легче. (Включает электрический чайник.) Вот выпью чаю, и примемся за дело, такой блеск наведем!

Любовь. Неужели действительно дома сидеть собралась?

Вера. А тебя это почему интересует?

Любовь. Так просто. Шеремет зайти обещал, у него сегодня день рождения — посидеть хотели.

Вера. Сидите — не обижу.

Любовь. Нет, мы потом все равно в Сокольники на танцы поедem. (Подходит к Вере, ласково.) Верка, давай с нами, ну, хоть раз в жизни! Приоденься, и поедem! Сегодня на кругу весенний бал... (Закружила ее в вальсе.)

Вера (остановила ее). Любовь, что ты сделала с лицом?

Надежда. Она брови себе выщипала.

Вера. Ох, гляди, Любовь, доиграешься ты с этим Шереметом!

Любовь. Новое дело! Что ж ты думаешь я для него?

Вера. О твоём Шеремете на все Черкизово слава. Ты скажи: ну чего парню надо? Токарь шестого разряда, норму на двести процентов выполняет, можно сказать, ведущая фигура на производстве, а как вышел из ворот завода, так и пиши пропало! Ни мыслей настоящих, ни стремлений. А сколько из-за него девчат плачет?..

Любовь. Дуры — потому и плачут.

Надежда (отбросила книгу). Нет, я тебе просто удивляюсь, Люба! На этого человека со стороны смотреть прямо невыносимо. То с одной девушкой под ручку идет, то другой что-то там нашептывает! Я категорически требую, чтобы его не пускали в наш дом. Надел костюм заграничный и думает, что фигура... Пре-зи-раю!

Любовь. Ай да мадам Штраус, нечего сказать, начиталась! Да ты знаешь, что Женька — душевный парень, что он для друга что хочешь сделает? (Примирительно.) Впрочем, можете не волноваться, никакого романа тут нет, Женя у

меня для другой цели предназначен... Танцует идеально!

Мы с ним два приза на конкурсе танцев взяли.

Вера. Горя вы не видели, мои милые, вот что я скажу.

Любовь. То и дорого, что не видели.

Вера. Больно дешево вам хорошая-то жизнь досталась, вот вы и ходите посвистываете.

Любовь (с азартом). Это я посвистываю? Не за то ли про меня «Комсомольская правда» писала? Брось, Вера, я в двадцать один год не зря пятый разряд имею! Если бы отец был жив, он бы радовался, что я его фамилию на заводе не уронила. А ты... Сидишь, у себя в комсомольском комитете, первый секретарь, освобожденный работник! Да я бы ни на что не посмотрела, удавилась бы лучше, а из цеха не ушла.

Надежда. Ну хватит, хватит, Люба! Надоело!

Любовь. Вот вам еще младшая сестрица... Мадам Штраус, божий подарочек! Тоже от настоящего дела бегаёт, от ФЗО нос воротит. То в скрипачки хотела идти, то в милиционерки, то в цирк идти надумала. К ней этот Данила сверху ходит, вот они и шушукаются. Мальчишке семнадцать лет, сама его на год старше, а тоже развела сложные отношения. Вот напишу я Николаю в армию письмо: пусть порадует, какая у него сестрица растёт!

Надежда. Как же, так он тебе и поверит!

Любовь (решительно). Уйти с завода мы тебе не позволим! Сюда еще при бельгийцах отец, в девятьсот шестом году, простым кузнецом пришел и вот до начальника цеха дослужился. Здесь пять лет назад он погиб по несчастному случаю. Вера тут девятый год работает, брат Колька пять лет отработал, и я в люди вышла. А ты что, бросить задумала? Смотри, Надежда, из комсомола полетишь за такие штуки!

Вера. Оставь ее. Ну куда она уйдет? Болтушка!

Надежда. Что? Я — болтушка? Так нет же, все равно по вашей дудке плясать не стану! Как сама захочу, так все и будет.

Любовь. *Замолчи! (Ударяет ее по щеке.)*

Вера. Любка! Как не совестно! Вы же взрослые теперь, умудренные...

Любовь. Думаешь, отца нет, так тебя никто уму-разуму учить не будет? Очень ошибаешься. *(Быстро уходит в Колину комнату.)*

Вера *(подошла к кушетке, пристально смотрит на Надежду).*
Какая ты...

Надежда *(тихо).* Какая есть.

Вера. Да... Смешно получилось. Я ведь сегодня нарочно пораньше пришла: по тебе и по Любке соскучилась. Вернусь ночью — вы или спите, или дома вас нет. Только вас и вижу, что в заводской столовке. *(Задумчиво.)* Я вот сейчас по бульвару шла, и вдруг вспомнилось, как мы, когда еще отец жив был, по субботам праздничную уборку делали. Помнишь, полы мыли, песни на три голоса пели... И так мне того времени жалко стало...

Надежда. Да, я еще тогда совсем маленькая была.

Вера. А теперь вот выросла... Выросла, а мы и не заметили. Вон ведь ты какая — не поймешь.

Надежда. Может быть. *(Помолчав.)* Вот Любка нашла себе платьев и думает, что счастливая, а мне этого мало. Я большего хочу.

Вера. Чего, Надя?

Надежда. Не знаю. *(С трудом.)* Большого. *(Пауза.)* Я вот лежу ночью и не могу уснуть и все думаю, думаю...

Вера. О чем, чудачок?

Надежда. О том, как много на свете разного, интересного... как много! И всю ночь гудят поезда, понимаешь? И я думаю: «Господи, что я за дура! Ворочаюсь на этой маленькой кушетке, когда можно ехать куда только глаза глядят...» И от этого тоже не спится, понимаешь?

Вера. Эх, фантазируешь ты все, Надька-Надежда!

Любовь *(возвращается, подходит к зеркалу, примеряет ленточку к волосам).* Чайник небось остыл, Вера...

Вера *(берет чайник и свои папки).* Я пойду в Колину комнату,

поработаю немножко. Не стучите из-за пустяков. (Уходит.)

Любовь (спокойно). Ты извини, мадам Штраус, за понесенные убытки, но я люблю Веру и не хочу, чтобы ее огорчали. Она много работает и очень устает, и если я говорю ей разные глупости, то имею на это право: во-первых, потому, что работаю больше тебя, а во-вторых, потому, что у меня дури в голове много. (Подходит к окну. Кричит.) Дуська, ты дома?

Женский голос что-то отвечает.

Я к тебе сейчас подымусь, купальник покажу новый. (Идет к двери.)

Надежда. Люба!

Любовь (обернулась). Ну?

Надежда. Сделай так, чтобы Шеремет не ходил сюда, и сама встречайся с ним реже. Ведь ты у нас умница, правда? А он... Ну что в нем хорошего?

Любовь. Знаю я, чем тебе Женя не угодил. Просто за взрослую не считает, смеется всегда: что, мол, за дурочка ко мне привязалась? Вот ты и злишься! А посмотрел бы на тебя ласково, живо бы растаяла.

Надежда. Неправда! Да если бы он только посмел со мной, как со всеми... Надавала бы ему пощечин и выгнала из дома! (Решительно.) В последний раз говорю, Любовь: пусть лучше не является. Хочешь, я сама ему скажу?

Любовь. Попробуй. (Выходит.)

Зашло солнце. Начинает смеркаться. Надежда отложила книгу, свернулась калачиком и — кто ее разберет — не то думает о чем-то, не то задремала. В окне показывается Данила.

Данила (негромко). Надежда!

Надежда. А... Данька!

Кушетка ее стоит возле окна, поэтому она говорит с ним, не трогаясь с места.

Данила. Я сверху слышал, кричали у вас. Ты что, сказала?

Надежда. Не смогла.

Данила. Эх... силы воли у тебя нет.

Надежда. Сам ведь знаешь, какие они, сестры...

Данила (не без достоинства вынимает карманные часы, смотрит на них). Если через час не скажешь, я сам сверху спущусь, расскажу Вере Петровне все обстоятельства... и кончен бал.

Надежда. Не надо, Даня! Звону будет!

Слышно, как стукнула калитка.

Кто это?

Данила. Опять черт Шеремет плетется... со Смагиным...
(Исчезает.)

Надежда беспокойно проводит рукой по волосам, склоняется над книгой. В дверь стучат.

Надежда (не отрываясь от книги). Ну?

Дверь отворяется, входит Шеремет — смуглый, загорелый красавец парень. Одет в светло-серый костюм, пиджак небрежно наброшен на плечи, грудь плотно обтягивает шелковая светло-голубая футболка, на отвороте пиджака значок ГТО. В руках у Шеремета красная роза, которую он по временам подносит к губам. За ним идет Витя Смагин — низкорослый, упитанный, лоснящийся паренек, одетый с преувеличенным шиком. В руках у него два чемодана — свой и Шеремета.

Шеремет (небрежно). Витя, поставь чемоданы на пол. (Подходит к кушетке.) Добрый вечер, Надежда Петровна.

Надежда. Здравствуйте. (Пауза.) Скажите вашему носильщику, чтобы он прикрыл двери.

Шеремет. Витя, прикрой дверцы. (Подносит к губам розу.) Виктор Егорович обладает исключительной физической силой и потому любезно согласился донести мой чемодан.

Сверху доносится голос Любы:

«Ты помнишь наши встречи
И вечер голубой...»

Суди по голосу, Любовь Петровна находится у Дуськи.
Слетай, Витенька.

Надежда (быстро). Не надо, я сама позову. (Кричит в окно.)
Любовь, к тебе пришли!

Любовь (сверху). Иду-у!

Шеремет снимает со стенки висящую в Любимом углу мандолину и начинает подбирать песенку, которую только что пела Любовь.

Шеремет. Садись, Витенька, не стесняйся. (Подходит к Надежде.) О чем скучаете, Надежда Петровна? Не беспокоит ли вас, что немцы остров Крит заняли? Люблю смотреть на ваши грустные глазки.

Надежда молчит.

Смагин (тихо). Ну чего ты пристал к девчонке? Она твоего юмора понять не может. Знаешь ведь какая, еще выгонит!

Шеремет (небрежно). Молчи ты.

Любовь (показывается в окне). Надежда, кинь мне платье жоржетовое, оно на стуле висит. Я в садике переоденусь...

Надежда бросает ей платье. Любовь скрывается.

Шеремет (у окна). А живописное местечко Черкизово. Прямо вон, за прудом, березовая роща, а там стадион. В милом уголке живете, Надежда Петровна. И в садике у вас довольно симпатично, по дорожкам пернатые скачут. Очень мило.

Надежда. Я пернатыми не интересуюсь.

Шеремет. Напрасно. (Подносит к губам розу.) А то есть на свете пернатое — соловей... Вам такую птичку наблюдать приходилось, или вы по молодости лет больше чижикиков предпочитали слушать?

Смагин (захлебываясь от смеха). Вспомнил... Как мы сюда шли и тоже вот одного чижикика повстречали, он возле окошка чирикал чего-то!

Вбегает Любовь, она переоделась.

(Кидается к ней навстречу.) Любочка...

Любовь. Ты от меня уйди, я с тобой разговаривать не желаю. Какие четыре мяча пропустил! Ай позор, ай стыд, мальчишки! Опять «Крылышкам» проиграли!

Шеремет. Я свои два мяча сделал. *(Кивает на Смагина.)* Не моя вина, что в ворота дырку вон поставили. И чего я мучаюсь с вами? Меня в «Спартак» за мастеров зовут играть, с завода уйти предлагают!

Надежда. Что ж не идете? Вам бы пошло.

Шеремет. А я, девушка, не привык хлеб ногами зарабатывать.

Любовь *(заводит патефон).* Что будем делать, мальчишки?

Смагин. Сейчас бы подкрепиться неплохо по случаю дня рождения.

Любовь. Я в «Гастроном» сбегаю, закуски принесу.

Смагин. Напрасное беспокойство. У нас в чемоданчике полный джентльменский набор.

Надежда. Любовь, прекрати музыку! Вера просила не мешать, она занимается.

Любовь. По случаю-то дня рождения... Эх, за семь бед один раз отвечаем! *(Танцует со Смагиным.)*

Смагин. Женя, обрати внимание, весенняя новинка. *(Проделывает с Любой замысловатое па.)*

Шеремет *(критически наблюдает).* Не так... Эх, школа Липского! Выпад резче и мягче поворот... Ну-ка, Люба! *(Берет ее за талию.)* Учись, Витенька. *(Танцует с Любой.)* Мягкий поворот. Коленки еле сгибаются... Классика!

В дверях появляется Вера. Общее замешательство. Шеремет обрывает танец.

Надежда. Дождались!

Вера молча на всех смотрит. Патефон все еще играет. Смагин бросается к патефону, останавливает музыку. Пауза.

Вера. Ну, почему вы остановили музыку? *(Пауза.)* Вы очень красиво танцуете, Женя. Сегодня день вашего рождения? Поздравляю вас. Сколько вам исполнилось?

Шеремет (он смущается редко, но уж если...). Двадцать два...
(Хочет найти себя.) Возраст, скажем, довольно недвусмысленный.

Вера (улыбнулась). Что?

Шеремет (окончательно потерялся). Извиняюсь. Я сказал глупость.

Вера (сокрушенно). Что поделаешь, бывает...

Шеремет. Вы занимались, мы вам помешали, вероятно?

Вера. Нет, я уж отзанималась, хватит! Ну, что ж вы стоите? Берите вашу закуску и ступайте в Колину комнату, там вам удобнее будет.

Любовь (тихо). Витенька, держи меня, я мало что соображаю.

Все, кроме Надежды уходят в Колину комнату. Слышен голос Любы: «Мальчики, тащите музыку. Живее!» В дверях появляются Шеремет и Смагин.

Шеремет. А, Витенька?

Смагин. Может, она разыгрывает, а потом ка-ак выскажется!

Шеремет (махнул рукой). Тащи музыку!

Смагин уносит патефон.

Надежда. Не трогайте Колиных вещей и ничего не переставляйте, слышите?

Шеремет смотрит на Надежду, улыбаясь бросает ей розу и быстро уходит.

(Смотрит на лежащий цветок.) Врешь... (Поднимает розу, нюхает ее.)

Вера (возвращаясь). Ну? А ты что же не идешь?

Надежда. Не хочется.

Вера. Знаешь, а хорошо, что мы ничего не переставляли в Колиной комнате, все вещи на месте, точно он только что вышел и сейчас вернется. (Пауза.) Откуда у тебя роза?

Надежда (неожиданно бросила цветок в окно). Презираю!

Вера (вдруг засмеялась). А что, если, верно, поехать с Любой?

В Сокольники! На танцы! А потом в ресторан... Кушаешь котлету, и музыка играет!

Надежда. Да... Смешно, вероятно.

С улицы входит Алеша Кустов, это очень аккуратный, шумный, но в то же время застенчивый парень. За ним идет Гаврилова, однолетка Веры, — она кажется старше своих лет, очень проста в манерах и одета подчеркнуто небрежно.

Гаврилова. Девушкам добрый вечер!

Алеша. Вы что же, усыпаете путь наш розами? (Вертит в руках цветок.) Иду по вашему саду, а мне на макушку сваливается это вот растение.

Вера. Надежда дурит, выбросила.

Алеша. Позвольте считать собственностью?

Надежда (пожала плечами). Считайте.

Алеша (торжественно). Итак, чуть начинает смеркаться, а члены комсомольского комитета бродят по Черкизову в поисках друг друга.

Вера. О дружба, это ты!

Гаврилова. Трогательная картинка.

Надежда. Может, вам колокольчик принести?

Гаврилова. Мне бы лучше стакан чаю.

Алеша (грозит Гавриловой). Вот они, бездомные-то бродяги!

Гаврилова. Расшумелся что-то сегодня наш мужичок. В Каширу грозитя уехать. Совсем запугал.

Алеша. И уеду! Будете тогда знать, как человека нагрузками мучить. У меня в Кашире мамаша такие коврижки на меду печет — от одного запаха голова кружится. А здесь что? Одно поношение.

Вера. Алешенька, не бунтуй, мы тебе с Гавриловой конфет купим.

Алеша. Дождешься от вас! Вот возьму уеду, посмотрим, что вы тогда запоете! Кто вам заводскую многотиражку выпускать будет? Кто стихи по случаю различных годовщин станет писать? Кто пионеров в воскресенье двадцать вто-

рого июня в лагерь отправит? Кто Гавриловой для ребят пятнадцать мячей, которых и в смете-то нет, достанет? Пропадете вы без меня.

Вера. Смилуйся, голубчик, не погуби!

Алеша. Нет, прощайте, люди, завтра же в Каширу! И еще не один уеду, вот возьму женюсь на Гавриловой и увезу ее с собой! И останешься ты одна, как перст, Вера Петровна, и сразу ты всю работу завалишь, и сразу выговор тебе дадут! А мы с Гавриловой тем временем будем предаваться восторгам любви и медовые коврижки кушать.

Вера. Как же, пойдет за тебя Гаврилова, дожидайся!

Алеша. А что она, безумная — от собственного счастья бежать? Как, пойдешь за меня замуж, Лена?

Гаврилова (пьет чай). Я мужененавистница.

Алеша. Это мы знаем, это мы прошлой весной наблюдали, какая ты мужененавистница. (Значительно.)

И имя сладкое Егора

Она шептала по ночам.

Гаврилова. Алешка, чаем ошпарю!

Алеша. Эх, кого отвергла, Гаврилова! Ведь какой из меня супруг мог получиться! Небывалое явление на фронте Гименея! Как по-вашему, Наденька?

Надежда. Отойдите, Алеша, вы читать мешаете.

Алеша. Ну вот, со всех концов затравили. Пес с вами, сдаюсь... Лей чаю, Вера.

Вера. Без сахара.

Алеша. Эх, а в Кашире коврижки с медом!..

Вера (наливая ему чаю). Есть одно срочное дело, Алексей.

Алеша. Опять? Еще?

Вера. К понедельнику надо повара для пионерлагеря найти.

Алеша. Пропади пропадом! Не будет тебе повара! У меня и своих забот в конструкторском бюро хватает, у нас ведь там новости...

Вера. Я слышала... Это решено?

Алеша. Абсолютно. Сегодня Заварыкин созвал все конструкторское бюро — будем осваивать новый тип тяжелого тан-

ка. Из Ленинграда, с Кировского завода, должен сам конструктор приехать. Он сейчас где-то в армии свои машины инспектирует, его не сегодня-завтра ждут. Ты понимаешь, что это значит? У наших в конструкторском уши на-вострились, сидят не дышат, ленинградца ждут.

В е р а. Интересно.

Г а в р и л о в а. Ох, не пойдешь ты, Верка, в июле в отпуск!

В е р а. Похоже на это. Как фамилия-то ленинградца?

А л е ш а. Я эту фамилию год по ночам во сне вижу. Только в обморок не падай — Коробейников!

В е р а. Коробейников? Врешь?

А л е ш а. Честью клянусь! Сам, собственной персоной, Ко-робей-ни-ков!

Из Колиной комнаты доносятся голоса. Заиграл патефон.

Г а в р и л о в а. Что у вас, гости?

В е р а. Это к Любе... Шеремет пришел.

А л е ш а. А, гроза Черкизова, покоритель сердец! *(Показывает на дверь.)* А Люба там? У меня записка к ней. *(Встает.)* Вера, а может, выгнать покорителя? На черта он вам сдался?

В е р а. Нет уж, пожалуйста, не скандаль, Алексей.

А л е ш а. Так-с. Насколько я понимаю, с Жуаном заключен беспринципный блок. Гаврилова, обрати внимание. *(Идет к двери.)*

Н а д е ж д а *(беспокойно)*. Алеша, дайте мне цветок!

А л е ш а. С какой стати! Вы же мне подарили. *(Выходит.)*

Г а в р и л о в а. Изменился наш мужичок. Такой был тихий, добродетельный, над собой разные опыты делал, характер улучшал. А теперь откуда что взялось! И остричь его, на грех, кто-то выучил.

В е р а *(засмеялась)*. Это на него общественная работа повлияла. Придется его разгрузить маленечко, Лена Тимофеевна, в конструкторском теперь такое начнется... Нынче какое число?

Г а в р и л о в а. Четырнадцатое июня. *(Пауза.)* А что?

В е р а. Так... Прикидываю.

Молчание. На улице темнеет. Гаврилова берет гитару и, подыгрывая себе, тихо напевает «Рябину».

Эх, Ленка, Ленка, а хорошо бы куда-нибудь закатиться месяца на два, на поляночке поваляться, на речку поглядеть, цветы пособирать, что ли...

Вера подтягивает Гавриловой вторым голосом, потом они замолкают, только Гаврилова продолжает перебирать струны гитары.

Хорошо...

Г а в р и л о в а. Что хорошо?

В е р а. Так... Вообще хорошо.

Г а в р и л о в а. Вообще терпимо.

Снова запели.

(После паузы.) Стемнело. Я лампу зажгу.

В е р а. Не надо. Вот осенью Николай из армии вернется... Он мне очень нужен, Колька! Черт знает, как-то вышло, что я... самой себе прискучила. Для меня выходной теперь мученье, останешься одна, начнешь сама с собой беседовать — и... и неинтересный получается разговор. Ох, неинтересный!

Г а в р и л о в а. Устала, вот и блажишь. Если хочешь, я поговорю с Заварыкиным, он любит тебя и отпустит даже на два месяца, если захочешь.

В е р а. Глупости! Я ведь все равно через неделю на завод прибегу... И не в том дело, Лена.

Г а в р и л о в а. В чем же?

Пауза.

В е р а. Тебе сколько лет?

Г а в р и л о в а. Двадцать шесть. Мы ведь однолетки.

В е р а. Вот именно — двадцать шесть... Многовато, Лена Тимофеевна.

Гаврилова. Ну... пока еще терпимо.

Вера. Как сказать. *(Задумалась.)* Двадцать шесть лет... Шутка ли! А что я знаю? Что я в жизни такого сделала, о чем бы потом вспоминать было можно? Нет, я не о пустяках, я о главном тебе сейчас говорю, о том, что человека человеком делает, понятно? Ведь жизнь только тогда цену имеет, если то, ради чего на свет родился, не в прошлом, а в будущем у тебя. И к этому ты себя готовишь, ночи не спишь. *(Пауза.)* Так я и жила, надеялась, а не вспоминала. А теперь двадцать шесть... Может, ничего уж и не будет. *(Заходила по комнате.)* Учиться мне надо, бросить все и учиться. Взять букварь — и все сначала!

Гаврилова. Нас с тобой, Вера Петровна, жизнь учила. Это наука дорогая, ты на нее не плюй.

Вера. Ай, ну тебя, Ленка, ты безмятежная какая-то!

Гаврилова. Нет! Я люблю то, что делаю. Эта работа по мне, без нее мне жизни не будет, потому что я азартная!

Вера. Опять ты не о том... Разве я могу другому человеку понравиться, если самой себе неинтересная? Вот я «Дворянское гнездо» читала, Тургенева, там очень герои чувствуют красиво, но мне даже их жалко было, потому что человека красивым не чувства, а поступки его делают... О том я и мечтаю, чтобы меня любить было за что.

Гаврилова. Вот теперь поняла... Так бы сразу и сказала.

Вера. Что сказала?

Пауза.

Гаврилова. Влюбилась все-таки, Вера Петровна.

Вера *(чуть улыбнулась)*. Ты, Лена Тимофеевна, мужененавистница и этого понимать не можешь.

Гаврилова. Оттого и мужененавистница, что очень могу это понимать. Очень. *(Пауза.)* Кто же он? Будешь тайну-то раскрывать?

Вера. Нет, не буду. Не вашего ума эта тема, дорогая Лена Тимофеевна.

Гаврилова. Как знаешь. Дело хозяйское. *(Обняла ее, шут-*

ливо.) Ты не горюй, все мы этим кончаем. Как ни вертись.

В е р а (подняла голову, на глазах у нее слезы). А я не горюю, я этим счастливая.

Г а в р и л о в а (ласково). Глаза вытри, дуреха! Выпила бы я по этому случаю стопку кагора, да в вашем доме ведь не водится.

Из Коллиной комнаты возвращается А л е ш а.

А л е ш а. Что-то ваш Жуан беспокоен, пристал, откуда у меня роза. Романтическая фигура. Пьет и не закусывает!

Г а в р и л о в а (встает). Эх, что взять с пижонов — объесть их как следует! Идем, Вера, выпьем, за наше здоровье.

В е р а (идет за ней). Идем, я тебя, так сказать, представлю...

Уходят.

На улице совсем стемнело, в комнатах полумрак. Из Коллиной комнаты доносятся музыка, голоса. Алеша смотрит на Надежду, неопределенно топчется на месте, потом подходит к выключателю и зажигает верхний свет.

Н а д е ж д а. Не надо.

А л е ш а (поспешно тушит верхний свет). Темно ведь.

Н а д е ж д а. Вот и хорошо. Люблю вечером в сумерках сидеть.

А л е ш а. Почему?

Н а д е ж д а. Так... Можно вспомнить и загадать.

Пауза.

А л е ш а. А стихи вы любите?

Н а д е ж д а. Иногда.

А л е ш а. Вот... есть одно стихотворение... (Читает.)

Хочу постичь, что значит жизнь моя,
Не сплю ночей, объят познанья жаждой.
Как разгадать мне тайну бытия,
Ее понять, увы, не может каждый.
Проходит ночь — уж на дворе заря,
Давно-давно уснула вся квартира,

А я не сплю и — чувствую, не зря:
Мне надо разгадать строенье мира.

Пауза.

Надежда. Сами написали?

Алеша. Нет... Это знакомый. Принес в многотиражку, а я не напечатал. Тема как-то не совпадает с ближайшими задачами танкостроения.

Надежда. А врете вы зачем, Алешенька?

Алеша. Не знаю... Машинально как-то.

Надежда. Нет, не пишите стихов, Алеша. Я в одной книжке читала, что стихи пишут либо жулики, либо гении, либо влюбленные. А вы ни тем, ни другим, ни третьим быть не можете.

Алеша. Совершенно верно, ни влюбленным, ни гением... Разве жуликом. (*Пауза.*) Надя, а почему вы десятилетки не кончили?

Надежда. Для ФЗО десятилетки не требовалось, а у нас в семье все на одном заводе, это уж от отца такая традиция. Вот я и учусь на фрезеровщицу.

Алеша. Но ведь вы могли стать инженером... или конструктором.

Надежда. А вам нравится быть конструктором?

Алеша. Очень.

Надежда. Ваше счастье.

Алеша. У меня ведь неполное высшее образование, я только техникум окончил. И вот всего-навсего техник-конструктор, так сказать, исполнитель чужих идей и замыслов. (*Усмехнулся.*) Маловато, конечно. В голову лезут всякие планы и самостоятельные идеи. Идти в вуз переучиваться поздно, да, вероятно, и не нужно, основное — это все-таки опыт и практика, ну, и личное общение с мастерами дела. Вот Коробейников к нам едет, это для меня такое... Ну, в общем много надежд у меня с этим связано. (*Заулыбался таинственно.*) Есть у меня дома заветная тетрабочка — тайну вам открываю, только вам, ладно уж, — я в нее по

ночам разные соображения записываю технического порядка...

Надежда (прерывает). Вы простите меня, Алеша, только, если говорить правду, неинтересно мне вас слушать.

Алеша (смешался). Почему?

Надежда. Потому что вы утенок, Алешенька. Когда я вас вижу, мне хочется сказать (тоненьким голосом): «Ути-ути-ути...»

Алеша. Вот как?

Надежда. Да, Алешенька.

Пауза.

Алеша. Вы все-таки откровенная... Спасибо.

Надежда (весело). Кушайте на здоровье!

Вера (возвращается из Колиной комнаты). Вот вы где сумерничаете. А вас к столу зовут.

Алеша быстро зажег верхний свет.

Ну, идемте к Любе, у них там весело... (Подходит к Надежде, ласково ее тормошит.) Вставай, вставай, чудачок, а то валяешься целый вечер на кушетке, совсем одичала...

Надежда. Нет, не пойду я к Любе, я лучше в сад пойду. А то здесь светло стало, неинтересно. Зажег Алеша лампу, и все стало видно — и то, что у него носки штопаные, и то, что у меня нос курносый... Вот, Алеша, какой вы недобрый гений... (Уходит.)

Алеша (не сразу). Да... злая она у вас.

Вера. Отцова любимица. Ну и Николай тоже не соблюдал меры, вот она и выросла балованная. Книг за два года видимо-невидимо прочла, а что толку? То в цирк каждый вечер бегала, то оперой занялась, бредила, как ненормальная. А теперь вот новый пунктик — географией увлеклась, достала себе карты и по ним маршруты составляет.

Алеша (почему-то разозлился). Плохо за сестрами смотришь, вот что! Родителей у вас нет, а ты старшая. Значит, это твоя забота.

В е р а. Эх, ерунду говоришь, мудрый человек! (Негромко.) А ты знаешь, что я детства не видела, с малых лет с ними вожусь? Мать у нас в двадцать пятом году умерла, мне еще одиннадцати не было — и все на меня. Я и белье стирала, и в лавку бегала, и обед готовила, и с ребятами возилась. А девчонки соседские в скакалку играли, на пруд купаться бегали... Отцу что, он придет с завода, поиграет с Надеждой — и обратно. А я вот сестер на руках таскала, укачивала... (Пауза.) Хорошо, Николай поднялся, принял от меня хозяйство. В тридцать втором году ушла я на завод, а тогда, помнишь, какое время было — народ на Магнитку уезжал, в Комсомольск... У нас на заводе танки первые пошли. Я и забыла к дому-то дорожку, рада была, что вырвалась. Да, первая пятилетка... (Улыбнулась.) Ударные ночи, сводки, мобилизации, хлеб по карточкам получали... Красота! А знаешь, как работали — с мечтой в сердце!

А л е ш а. Сейчас, положим, лучше работаем. Народ технически грамотнее стал.

В е р а. Технически! Да разве я об этом, Алеша? Когда мы первую пятилетку поднимали, такие, как Шеремет и Смагин, на дворе в расшибалку играли. Почему фунт лиха, вот что им неизвестно!

А л е ш а. Ну, знаешь, эти твои теории... И зачем так обобщать? Шеремет это Шеремет, а...

Входит Маруся. У нее крашенные, искусно причесанные волосы, одета несколько пестро, но тем не менее она очень хороша. В руках у нее гитара.

В е р а. А Маруся это Маруся. Любуйтесь.

М а р у с я (усмехаясь). Не понимаю, что это вы говорите... Добрый вечер, во-первых... Любочка дома?

В е р а. Любочка в соседней комнате.

М а р у с я. Так я пройду. (Улыбаясь.) Какой вы сегодня интересный, Алеша...

А л е ш а. Чем же это я интересный?

Маруся. Вам очень такая стрижка идет. (Улыбается, очень ловко поворачивается и уходит в Коляну комнату.)

Бера. Видел, как глазками-то работает? Большой вальс... (Помочая.) Уж очень им легко на сердце от песни веселой...)

Алеша. Возраст такой. Много задумываться не приходится. Я в семнадцать лет вовсе по ночам не спал.

Бера. Что ж ты делал?

Алеша. Сколько верст от Каширь до Луны, высчитывал.

Бера. Ты вот все смеешься, а я серьезно. Вон война на Западе все ближе, кто знает, может, и нам скоро придется...

Алеша. Нет, я не верю, что война будет. Вот я смотрю, как люди кругом живут, о чем думают, мечтают, на что надеются,— и не верю. Знаешь, вот такое чувство, будто на пороге стоишь, сделаи один шаг — и будет счастье...

Бера. Нет, Алешенька, не такие мы хорошие, чтобы от нас до счастья всего один шаг был.

Алеша. Когда человек лучше делается, он всегда собой недоволен — это, между прочим, абсолютный факт.

Бера. Что-то уж больно хитро, хитрый человек.

Алеша. Нет, я не хитрый, я веселый. Это мое большое преимущество, что я веселый.

Бера. Не хватается, мужичок, ты грустный.

Алеша (таинственно). Э! Я грустным прикидываюсь, чтобы в меня девушки влюблялись.

Бера (нетвердо). Ну и как? Влюбляются?

Алеша. Н-нет...

Бера. Плохо прикидываешься.

Алеша. Как умею.

Бера. А может, они влюбляются, только со стороны незаметно?

Алеша. Какой же в этом интерес! Нет уж, раз влюблена, пусть скай на колени становится, руки ломает. Пусть шепчет слова любви, проклятая...

Бера. Ишь, чего захотел. Нет, этого не дожидаться, милый! (Неожиданно подбегает к нему и начинает по-ребячьи трепать его волосы.) Не дожидаться, не дожидаться!

А л е ш а (стараясь вырваться). Вера, подожди... Мне очень та-
кая стрижка идет!

В е р а. Не дожدهшься, все равно не дожدهшься... (Смотрит на
его взъерошенные волосы и заливается неудержимым сме-
хом.) Ну пошли, пошли к Любе. Ты меня сегодня танце-
вать научишь.

Уходят, потушив свет. В полутьме появляется *Надежда*,
она проходит мимо комнаты, в которой снова заиграла му-
зыка, хочет туда войти, но потом резко поворачивается и
снова идет к своему окну.

Н а д е ж д а. Ксс, ксс, ксс... Жора! Жора!.. (Ласкает появившую-
ся на подоконнике кошку.) Иди сюда, мой маленький!
Иди, миленький!

В дверях появляются *Шеремет* и *Маруся*. Они не
видят *Надежду*, но переговариваются негромко, чтобы их
не услышали в соседней комнате.

М а р у с я. Слушай, Женька, это нахальство! Уговорились в Со-
кольники на круг ехать, а ты какой-то семейный вечер
устроил... с активом.

Ш е р е м е т. Еще одиннадцати нету. Детское время.

М а р у с я. Скажи Виктору, пусть хоть за такси на Преобра-
женку слетает.

Ш е р е м е т. Не твоя забота. Я, может, с утра машину заказал.
Надоели вы мне.

М а р у с я. Только зря время теряем. Не дело, Женька... (Ухо-
дит в комнату.)

Шеремет закуривает, идет к окну. Увидел *Надежду*. Оста-
новился. В соседней комнате все стихло, заиграла гитара.

Ш е р е м е т (тихо). Надежда Петровна... Это вы, Надежда Пет-
ровна? (Пауза.) Вам известно, какой про меня идет разго-
вор? Это все правда, Надежда Петровна...

Молчание.

Я знаю, вы мне не верите. Это правильно. Мне нельзя верить. Это факт. Я сейчас пьян и поэтому рассуждаю вполне трезво. Мне верить нельзя. (Очень серьезно.) Но что же прикажете делать, если я действительно вас... Наденька! Я полгода гляжу на вас и с того часа ни одной девушки не обидел.

Молчание.

Наденька! (Его голос срывается.) Я действительно стою от вас очень близко, и я сейчас все на свете могу забыть и поцеловать вас. (Пауза.) Вам не страшно, Наденька?

Молчание. Надежда вскидывает голову, словно защищаясь, поднимает руку и вдруг с силой ударяет его по лицу ладонью.

Надежда. Уходи! (Тихо.) И если ты хоть когда-нибудь близко ко мне подойдешь... если ты хоть когда-нибудь...

Входит Алеша, он оглядывает комнату, стараясь понять, что произошло.

Алексей! Выгони его... Выброси его на улицу!

Алеша (идет на Шеремета). Негодяй!..

Входит Вера. Она останавливается в дверях, не понимая, что случилось. За ней толпятся остальные.

Любовь (бросаясь между Шереметом и Алешей). Женька, отойди! Подожди, Алеша!..

Маруся. Мальчики, не деритесь.

Гаврилова. Вот, говорила я...

Вера. Что случилось, Надежда? Сейчас же отвечай!

Надежда (как-то разом). Вот он... он во всем виноват!

Шеремет. Эх... Наденька!

Маруся. Слыхали? Вот новое дело!

Вера. Ну, хотела я с тобой добром, Шеремет, а теперь не жди от меня пощады!

Шеремет (обернулся к Вере). Вы, товарищ Иванова, на меня

не кричите, я человек, комсомолом не охваченный. (Задер-живает благоразумно приближающегося к выходу Смагина.) Это вот он членские взносы вам выплачивает, на него и кричите.

Смагин (его вдохновляет присутствие Веры). Но, но, ты брось свою аполитичность! Ты нас с товарищем Ивановой этим не убедишь...

Вера (отмахиваясь от Смагина). Пошел отсюда!

Шеремет. Переметнулся? Ну погоди, будет тебе худо!

Общий шум. В комнате появляется Данила. Несмотря на свои семнадцать лет, у него важный басок и солидные манеры. Шеремет в погоне за Смагиным натывает я на Данилу. Пауза.

Чижик!..

Данила не спеша подходит к Надежде.

Данила. Сказала?

Надежда. Не сейчас, ты же видишь... (Махнула рукой.)

Данила. Нет. Именно сейчас. Ждать больше нечего.

Смагин (стараясь спутать карты). Правильно!

Данила (торжественно). Вера Петровна, я пришел к окончательному убеждению, что вам необходимо знать истину.

Надежда. Данька, не надо!..

Смагин. Женя, засекай время, чижик рвет ленточку. Как говорится, обошли на ноль одну секунды!..

Данила. Дело в том, что Надя прекращает свои занятия в ФЗО, так как с будущей недели я начинаю ее готовить к экзаменам в Ленинградский морской техникум.

Вера. Что такое?

Данила (спокойно). На подготовку нам осталось всего два месяца; к тому же у нас еще будут дела, связанные с нашим переездом в Ленинград.

Пауза.

Маруся (восхищенно). Вот это да!..

Д а н и л а. Я вас, Вера Петровна, не как сестру предупреждаю, а как секретаря комсомольской организации, чтобы вы не чинили нам никаких препятствий. Мы с Надей выбрали себе профессию штурманов дальнего плавания. Это наше твердое решение.

Л ю б о в ь (вдруг громко захохотала). В штурманы?! Ай да мадам Штраус! Нет, ты погляди на нас, Верка,— в штурманы... А как же... Ты ведь в цирковой техникум хотела идти?!

Н а д е ж д а. Мало ли... была душой.

М а р у с я. В цирковой? (Заинтересованно.) Ты что же, акробаткой хотела быть?

Н а д е ж д а. Нет, фокусницей. Вот есть платок (показывает), и нет платка. Есть стакан (берет стакан в руку), и нет стакана. (Разбивает его. Пауза.) Есть покой, и нет покоя.

Г а в р и л о в а. Да уж... фокус...

С м а г и н. В штурманы... Это интересно. Значит, прямо из Черкизова на Курильские острова? Ловко! Эй, отрок, налить стопочку по этому случаю?

Д а н и л а. Я спиртного не употребляю.

Ш е р е м е т. Нет, погоди, а ты кто такой? Почему чирикаешь? Ты что же, жених? Жених, да?

Д а н и л а (невозмутимо). Согласно моим убеждениям, товарищ Шеремет, человек может думать о браке, только достигнув независимого положения. Мне до этого еще, к сожалению, далеко.

М а р у с я (в тишине). Эх, трепачи вы все! А это парень!

Д а н и л а (ободренный словами Маруси, резко заключает). А в заключение скажу — я с Надей восемь классов окончил и, таким образом, имею все основания заботиться о ее будущем.

А л е ш а. Ну, вот что, это твое заявление, как говорится, учтут... А пока иди-ка ты домой подобру-поздорову.

С м а г и н. Дать ему по шее — и весь разговор.

Общий шум. Данила отступает к двери, в которую входит Коробейников. Ему сорок лет, он очень высокого ро-

ста. На нем брезентовый плащ-дождевик с отложным капюшоном и мягкая черная шляпа, окончательно потерявшая всякую форму.

Коробейников. Ну-с, я, кажется, не вовремя?

Пауза.

Смагин. В самый раз!

Коробейников. Небольшая семейная вечеринка? Ну что ж, мне вдвойне повезло. А чемодан мы поставим сюда, чтобы он не мешал общему веселью.

Вера. Я не понимаю... вы по делу?

Коробейников. Вера Петровна, вы угадали. (Оглядывает всех.) Добрый вечер, Любовь Петровна! Да, да, именно такой я всегда и представлял себе Любовь Петровну... А где же Наденька? Конечно, на своей любимой кушетке... Здравствуйте, Наденька! Моя фамилия Коробейников...

Алеша. Коробейников? Тот самый?

Коробейников. По-видимому, тот самый... Ну, вот мы и познакомились.

Вера. Но... Откуда вы нас знаете?

Коробейников. Ну-с, мне известно, например, что на территории этого дома проживает некий кот Жора, необычайный плут. А наверху, у старшего бухгалтера завода Мишонова, имеется сын Данила. Это умнейшая личность... Да вот же он стоит! Добрый вечер, Данила!

Данила. Здравствуйте.

Коробейников. Обо всем этом мне подробно рассказал некий чудесный молодой человек.

Надежда (вскочила на кушетке). Николай!

Коробейников (снимает шляпу). Я привез вам от него поклон и... письмо.

Надежда. Дайте мне! (Вырывает письмо.)

Любовь. Вот спасибо! Мы от него две недели писем не получали...

Вера. Да иди же сюда, Люба...

Коробейников. Мне кажется, что всем остальным надлежит удалиться в соседнюю комнату.

Надежда (счастливая). Да, уходите! Мы будем читать его письмо! Все уходите!

Шеремет. Мне в соседней комнате делать нечего. Время детское, а взрослым спать пора. А с вами, товарищ Кустов, еще будет встреча. (Уходит.)

Коробейников (открывая двери). Прошу! В Колину комнату, друзья... И не будем переставлять его вещи, я знаю — гостям это запрещается.

Все, кроме сестер, уходят в Колину комнату.

Вера. Дай мне, Наденька!

Надежда. Нет, я сама!

Любовь. Да, пусть Надя читает. Я люблю, когда Надя читает.

Очень тихо. Сестры устроились на кушетке маленькой стайкой, тесно прижавшись друг к другу.

Надежда (торжественно). Ну вот, на конверте написано: «Мои сестрам — Вере, Надежде и Любви. Черкизово, Шаховская улица, дом 26». (Вынимает письмо.) Начинается. (Читает.) «Здравствуйте, мои милые сестрички! Наша бригада по-прежнему на Волге, и, хотя весна в этом году очень холодная, мы раньше обычного начали летнюю учебу. Я по-прежнему дружу с Бондаренко, он отличился на стрельбах, и его отметили приказом. А потом случилось несчастье — его тут забодала корова, и он две недели лежал в лазарете. Между прочим, у нас поговаривают, что нашу бригаду переведут ближе к западу. К чему бы это? Теперь самое главное — к нам приехал инспектировать свои машины инженер Кировского завода Донат Алексеевич Коробейников. Он просто человек, каких мало, и не только талант, а главным образом душевный человек. Его командируют в Москву на наш завод — очень прошу, пусть он живет в моей комнате. Вас он не стеснит, а ему

это удобно. А какие он умеет делать фокусы! Это, Надежда, по твоей части, вот вы и обменяетесь опытом. Ну, больше писать нечего. Скоро, скоро я вернусь, и мы заживем еще лучше прежнего. Крепко вас любящий ваш брат Николай Иванов». (Пауза.) И приписка: «Только что узнал, что нас действительно переводят в Белоруссию. Вот и хорошо. А то надоело на одном месте».

Долгое молчание. Лунный свет падает на деревья сада. Очень тихо.

Двенадцать. Слышите? У Дуси часы бьют... (Смотрит на письмо.) Коленька...

В е р а (быстро). Читай сначала.

Н а д е ж д а. «Здравствуйте, мои милые сестрички! Наша бригада по-прежнему на Волге, и, хотя весна в этом году очень холодная...».

З а н а в е с

Картина вторая

Пятнадцатое октября.

На улице моросит мелкий дождик, он то останавливается, то снова идет, но всем кажется, что он непрерывен.

Одиннадцать часов утра. Та же комната сестер. На кушетке в простом рабочем платье, раскинув руки, спит Любовь. Ее поза еще больше подчеркивает общий беспорядок. В углу бормочет радио. Где-то близко залпы зениток. У входных дверей, озираясь на спящую Любовь, Надежда передает Даниле пустой рюкзак.

Н а д е ж д а. Вот, уложишь сюда мои вещи. И не делай печальной физиономии — все решено.

Д а н и л а. Этого я тебе никогда не прощу.

Н а д е ж д а. Через два часа я еду, передумывать не люблю, ты знаешь. (Достает бумажку.) Вот направление в Кронштадт.

Д а н и л а (поглядел на бумажку, саркастически улыбнулся).

Все женщины таковы — обещают одно, а делают совсем другое. Ну что ж, попутный ветер! *(Не выдержал и рассердился.)* В конце концов, это нелепо! Ехать на Балтику придумал я, это моя идея! Почему же едешь ты, а я должен оставаться?

Надежда. Потому что, пока ты уезжал рыть свои окопы, я окончила курсы медсестер. Потому что шесть дней с утра до ночи я обивала пороги и приставала к начальству, чтобы меня отправили именно на Балтику.

Данила *(отдает ей бумажку)*. Что ж, так всегда в этом мире: один придумывает, а другой пользуется его мыслью.

Надежда. Не ворчи, а то не буду писать писем. *(Прячет бумажку.)* Поезд уходит в четыре. Я еду до Чудова санитарным эшелоном. Зайдешь за мной часа через два, мне еще надо забежать на завод, я не получила расчета.

Данила. А сестры знают?

Надежда. Нет. Скажу перед отъездом. *(Улыбнулась.)* Я ведь даже на курсы тайком ходила.

Данила. Трусиха! Силы воли у тебя нету.

Надежда. Просто не люблю лишних разговоров. А так лучше — сразу и наверняка.

Звонит телефон.

Ступай, а то еще увидят.

Данила уходит. Надежда идет к телефону.

(Сняла трубку.) Да... Вера больна... Да, высокая температура... Нет, не позову... Мне все равно, кто говорит.

Входит Вера. Она в ситцевом домашнем халатике, туфли надеты на босу ногу. За ней идет Алеша с блокнотом в руках. Он в шлеме танкиста и полувоенной форме, за плечами рюкзак.

Вера. Ты опять!.. Дай трубку! *(Вырывает у Надежды трубку.)* Заварькин?. Да, Кустов у меня. Составляли обращение комсомольцев к рабочему батальону... Собираются на площади, у здания райкома. Да, там же комсомол передаст

батальону танки... Будет говорить Гаврилова... Я понимаю.
(Быстро, Алеше.) До отъезда зайдешь к директору...
(В трубку.) Что нового?... Это я знаю. А на фронте?... Ухуд-
шилось? (Пауза.) Понимаю. (Вешает трубку.) Отдали Вязь-
му. (Садится в кресло.) Фронт, по-видимому, прорван...

Надежда. Ступай в постель.

Вера. Оставь, Надя... (Пауза.) Стреляют, а тревоги не объяв-
ляли.

Алеша. Черт с ней, с тревогой...

Вера. На чем мы остановились?

Алеша (смотрит в блокнот). «В эти суровые дни, когда враг
подошел к Москве и хочет нанести решающий удар, ком-
сомольцы нашего завода в неурочные часы построили
шесть боевых машин. Одушевленные порывом...» Нет, это
плохо...

Вера. Пиши просто: «Они создали эти машины и вместе с ни-
ми пришли в батальон. Они изучили военное дело и бу-
дут стойкими бойцами Сокольнического рабочего баталь-
она. (Принимает лекарство.) Они клянутся умереть, но не
допустить врага к Москве...».

Алеша. «Клянутся умереть»... Ну, этого не надо. (Пишет.)
Они обещают сражаться, как в гражданскую войну сра-
жались первые комсомольцы красных Сокольников».

Вера. Да... так лучше. (Торопливо.) Пусть обращение читает
Гаврилова. Чеснокову не давай, он всегда торопится.

Алеша (вынимая тетрадку). Вот это отдай Коробейникову. Тут
разные мечты технического порядка. Записывал по ночам,
преимущественно в плохую погоду. (Раскрывая тетрадку.)
На первой странице стихотворение Пушкина «Желание
славы». Ну, это, так сказать, к делу не идет... А вот дальше
есть, пожалуй, кое-что дельное. (Улыбнулся.) Это, собст-
венно, все мое имущество... Бери. Вручаю.

Вера (помолчав). У тебя кто в машине?

Алеша. Башенный стрелок — Думбадзе, радист — Левушка,
водитель — Шеремет.

Надежда. Почему Шеремет?

А л е ш а. А его никто не брал, все отказывались, вот мне и пришлось. (Смотрит на часы.)

Надежда отходит в сторону.

Ну, кажется, пора.

В е р а. Прощай, Алексей. (Пауза.) Помнишь, ты как-то сказал: «Нет, я не верю, войны не будет»?

А л е ш а. Да, прорицателя из меня не вышло. Может быть, выйдет солдат? (Пауза.) Ты что улыбаешься?

В е р а. Так... Вспомнила тот вечер. (Очень внимательно на него смотрит.) Ну, не грусти, мужичок!

А л е ш а (улыбнулся). Я же говорил — грустным я прикидываюсь, чтобы в меня девушки влюблялись.

В е р а. Они и влюбляются, Алешенька. Ты даже себе представить не можешь, как они влюбляются. Я, например, знаю дурочку, которая отдала бы все на свете, чтобы пойти за тобой и умереть рядом, если нужно...

А л е ш а. Ну, уж это псих какая-нибудь.

В е р а. И то верно. (Пауза.) Прощай, Алексей. Будь здоров.

А л е ш а. Поцелуемся, секретарь. (Хочет ее обнять.)

В е р а (очень испуганно). Нет! Не надо! (Чуть улыбнулась.) Может быть инфекция... (Тихо.) Будь здоров. (Мгновение смотрит на него и затем, не выдержав, крепко целует.)

А л е ш а (он застеснялся). Ничего. Ехали комарики на воздушном шарике, а за ними кот — задом наперед...

В е р а. Что ты болтаешь?

А л е ш а. Не знаю... С непривычки... Никогда еще не уходил на войну.

Надежда (она только что вернулась из Колиной комнаты). Я Любу разбужу.

А л е ш а. Не надо. Она пять дней с завода не уходила. Скажите — уехал и просил кланяться...

Надежда (тормошит Любовь). Проснись, Любка! Алеша уезжает...

Л ю б о в ь (быстро приподнимаясь). Алеша... Прощай, Алеша... (Обнимает его и целует.) Вы проверяйте в третьем номере

карбюратор... (Медленно опускается на кушетку.) Он, понимаешь, не то чтобы... Я говорила Шеремету... (Тихо бормочет.) Все в порядке, только проверять надо... (Засыпает.)

А л е ш а. Замучилась, бедняга... (Берет безжизненно свесившуюся руку Любы.) Руки у нее, как у этой... у богини. Даже лучше. (Целует ее руку. Пауза.) Ну, что ты смотришь на меня, побледневший секретарь? Уж эти мне штатские! Ступай в постель!

В е р а. Ухожу. (Смотрит на Алешу.) Ну, будь здоров... мужичок. (Пытается улыбнуться, машет ему рукой и уходит.)

Н а д е ж д а (после паузы). Идемте, я ведь на завод... (Подошла к Алеше.) Что это вы зажмурились?

А л е ш а. Тише! (Открывает глаза, берет ее руку и очень быстро говорит.) Вот — кончилась война, светит солнце, и играет музыка. Это летний день, да, да, обязательно летний... Я иду по вашему саду, вхожу в комнату. Здесь стоите вы, там — Вера, вот тут — Люба, а на окошке сидит кот Жора, и в комнате все такой же беспорядок. (Пауза. Посмотрел на Надежду.) А может быть, все будет иначе? (Быстро.) Идем!..

Н а д е ж д а. Погодите. У вас рюкзак развязался... (Снимает с его плеч рюкзак, перекладывает вещи.) Лучше-то не могли уложиться?

А л е ш а. Да... А в Ленинград вы так и не уехали, милая мадам Штраус? Кажется, так вас звали в ту пору, когда вы мечтали о дальнем плавании? В тот вечер вы подарили мне розу, недурно с вашей стороны.

Н а д е ж д а. А вы сегодня веселый, Алеша, все шутите.

А л е ш а. Еще бы! Что ни говори, а все-таки страшно.

Н а д е ж д а. Что страшно?

А л е ш а. Ну... война, фронт... стреляют из пушек.

Н а д е ж д а. Ничего, подружитесь с кем-нибудь, вот и не будет страшно.

А л е ш а. Подружусь? Вряд ли... Знаете, Надя, у меня никогда не было друзей мужчин. Всегда я почему-то дружил с

женщинами,— может, поэтому мне так не везло в любви. Надежда. В любви? Что-то не представляю я этой картины. Алеша. Да, картинка из унылых. (Усмехнулся.) Словом, фокус не удался, факир был пьян. Идемте.

Входит Шеремет. Он, как и Алеша, в полувоенной форме. Все смотрят друг на друга. Мгновенное молчание.

Минуточку, Надя, но я забыл сказать Вере... Я сейчас... (Уходит.)

Шеремет (смотрит вслед Алеше). Была бы моя власть, взял бы я всех тактичных, запер бы их в комнату и кормил одной селедкой. Посмотрел бы я тогда на их тактичность!

Пауза.

Надежда. Что вам надо?

Шеремет. Уезжаю.

Надежда. Попутный ветер!

Шеремет. Проститься пришел.

Надежда. Люба спит.

Шеремет. А если не Люба?

Надежда. Вера больна, нельзя к ней.

Шеремет. А если не Вера?

Молчание.

Может, я к чижикку пришел? Где он, ваш чижик?

Надежда. Мой чижик наверху, вы этажом ошиблись.

Шеремет (в отчаянии). Довольно чудить, на самом деле!

Молчание.

Наденька... уйду ведь!

Надежда (идет к двери, быстро оборачивается). Дайте мне руку! Скорее! Скорее же, господи!.. Вот так. (Почти шепотом.) Я буду о вас думать... Я желаю вам счастья, Женя... Слышите — я желаю вам счастья. (Убегает.)

Шеремет, сжимая кулаки, смотрит ей вслед, а потом, точно пулей подбитый, опускается на стул, бормоча что-то нескладное.

А л е ш а (возвращается). Надя ушла?

Шеремет не может говорить, только молча кивает головой.

(Не сразу.) Где стоят машины?

Шеремет. У заводских ворот. Вас ожидают, товарищ командующий.

А л е ш а (очень тихо). Шутки кончились, Женя.

Шеремет. Это я очень хорошо понял, когда вступил добровольцем от Сокольнического района.

А л е ш а пристально на него смотрит, молча поправляет рюкзак и быстро выходит из дома. Шеремет оглядывает комнату, подходит к комоду, стремительно выдвигает ящики и перебирает находящиеся там вещи. В дверь просовывается голова Смагина.

С м а г и н (язвительно). Фотографические карточки похищаешь? Дело! Жаль, Надежды Петровны нет, она бы тебе составила... трогательную надпись...

Шеремет (угрюмо). Тише ты... фигура!

С м а г и н. Не бойсь, выдавать не стану. (Хихикает.) Ступай своей дорогой...

Шеремет. Что-то не по времени ты веселый. А ну, поди сюда, сосчитаемся!

С м а г и н. Но-но, ты это брось! Я Веру Петровну позвать могу. Расскажу ей, как ты ящики-то...

Шеремет. Дешево покупаешь, Витенька. Захотел взять карточку — и взял.

Смагин жметя к двери.

Куда? (Хватает его.) А ну, говори, где хоронился? Вместе ведь в отряд идти уговорились...

С м а г и н. Меня Чиликин на подсобное хозяйство посылал, на огородные работы. Вот, имею документ за двумя печатями.

Ш е р е м е т. За двумя? Что ж так мало набрал, Витенька?

С м а г и н. Я не по своей воле, меня руководство посылало.

Ш е р е м е т. Ой ли? И не утомился при огурцах-то?

С м а г и н. А думаешь, легко?

Ш е р е м е т (ласково). А ты, как я погляжу, не промах.

С м а г и н (хитро). Будьте уверены!

Ш е р е м е т. Членские взносы в комсомол платишь? (С силой ударяет Смагина.)

Смагин летит через всю комнату, задев стул, который с грохотом падает. Просыпается Любовь, она сонно смотрит на происходящее, видимо, ничего не понимая.

Л ю б о в ь. Это вы, мальчики?.. Почему вы деретесь? Шеремет... Ты ведь уехал вместе с Алешей... Ты теперь далеко-далеко, Женя. (Падает на кушетку. Засыпает.)

В дверях показывается В е р а.

С м а г и н (приподымаясь). За что бьешь?

Ш е р е м е т. Шкура! (Ставит Смагина на ноги и снова его ударяет.) Будь здоров, Витенька! (Уходит.)

С м а г и н (летит к ногам Веры). Товарищ Иванова, что же это такое? Он у вас все ящики взломал, вещи похитил... А потом вот меня... весь костюм испоганил!..

В е р а (жестко). Думаешь, я тебя жалеть стану? Подлец! Ты зачем ко мне явился?

С м а г и н. Товарищ Иванова, имей сожаление... За что вы меня из комсомола исключили? Я в райком пойду, вы не имеете такого права!

В е р а (яростно). Где ты был, когда завод бомбили? По подвалам прятался?

Звонит телефон.

(Берет трубку.) Иванова... Какая главная задача? Овладеть мужскими профессиями... Да, так и пиши... (Вешает трубку.)

Входит Д а н и л а, в его руках Надин рюкзак.

Данила. Вот Надины вещи. Передайте, пожалуйста...

Вера. Какие вещи?

Данила. Она вам сама расскажет. (Подумав.) У вас лишней веревки нет? Отца вот в дорогу снаряжают.

Вера. В какую дорогу?

Данила. Вам и это не известно? Бухгалтерия эвакуируется.
(Уходит.)

Вера. Что?!

Смагин. Ага, уезжают! Люди вот уезжают, а я явился. Я здесь, Вера Петровна.

Звонок телефона. Входит Коробейников.

Вера (в трубку). Сколько человек послано на строительство оборонительных укреплений? Точно — двести девятнадцать... Сколько можем дать еще? Звоните Гавриловой, у нее точные данные. (Вешает трубку.) А где Данила? Что он тут сказал? Надины вещи... Фу-ты, голова кружится...
(Опускается в кресло.)

Коробейников (Смагину). Ну-с, прибыли из путешествия? Вид, однако, у вас неважный... Кто же это вас так... неосторожно?

Смагин. Заступитесь хоть вы, Донат Алексеевич, ей-богу! Вы человек мудрый и веселый. Сами посудите: что я, вредный какой, что ли?

Вера (устало). Смагин, милый, уходи... Я очень тебя прошу — уходи.

Смагин (сражен ее ласковым тоном). Ухожу, товарищ Иванова. Не вовремя попал... Понимаю. (Коробейникову.) Эх, а ведь что меня губит... Жизнерадостность меня губит. Очень я жизне-радостный человек. (Махнув рукой, огорченный, уходит.)

Вера. Вот прощельга, циник несчастный!..

Коробейников. Ну уж, циник! Циник всегда пессимист, а это весельчак. У него же юмор, Веронька... А юмор и цинизм — вещи несовместимые.

Вера. Любите вы людей украшать. (Усмехнулась.) Юмор у

этого подлеца нашли. У Шеремета попроще с ним разговор был, я, сказать правду, полное удовольствие получила.

Коробейников. Что ж, вовремя получить по шее тоже бывает иногда очень полезно. (Разворачивает принесенные с собой бутерброды.) Вы разрешите взять чайник? Проголодался...

Вера. Тут Данила говорил, бухгалтерия эвакуируется. Это правда?

Коробейников (наливает себе чаю). Частичная эвакуация некоторых денежных дел. Нет, на заводе все благополучно... Заварыкина в Комитет Оборона вызвали. А мне разрешена трехдневная отлучка в Ленинград, к семье. Они ведь у меня не успели выехать. Через два часа самолет будет.

Любовь (не открывая глаз). Собьют вас еще.

Коробейников (обернулся к ней). Ну-с, вот и Любаша проснулась... (Назидательно.) Человеку закусывающему, Любовь Петровна, такие предположения высказывать крайне неуместно. Этакie прогнозы, знаете, аппетиту не способствуют.

Любовь (открыла глаза). Ничего, кушайте на здоровье, господин будильник.

Коробейников. Будильник... Это в каком смысле?

Любовь (потягиваясь). В самом непосредственном.

Вера. Мне что-то скверно... такой шум в голове. Я пойду прилягу. (Выходит.)

Коробейников пьет чай. Любовь, лежа на кушетке, пристально на него смотрит.

Любовь. У вас жена красивая?

Коробейников. Нет. Она добрая, как принято говорить в таких случаях. (Пауза.) Актриса Ленинградской оперетты. Комических старух играет.

Любовь (захохотала). Врете!

Коробейников. Совершенно серьезно.

Л ю б о в ь. Почему же вы женились? Комическая старуха, да еще некрасивая...

К о р о б е й н и к о в. Вероятно, потому же, почему женятся вообще все люди. В один прекрасный вечер мне показалось, что она лучшая девушка на свете.

Л ю б о в ь. А теперь... этого вам не кажется?

К о р о б е й н и к о в. Видите ли, Любаша, когда с человеком живешь вместе пятнадцать лет, то поневоле становишься объективнее... (Помолчал.) Но в то же время начинаешь понимать, что если она и не лучшая девушка на свете, то не так уж плоха, как могла бы показаться с первого взгляда.

Л ю б о в ь. Чего-то туманно.

К о р о б е й н и к о в (допивает чай). Зато справедливо.

Л ю б о в ь. А девочка у вас большая?

К о р о б е й н и к о в. Так... средних лет.

Л ю б о в ь. А именно?

К о р о б е й н и к о в. Вступила в девятый год. Очень, знаете, любопытная особа... (Улыбнулся.) Называется Светлана. Мое слабое место, как выражается супруга.

Пауза.

Л ю б о в ь. Что же они не уехали из Ленинграда? Ведь там сейчас... (Замолчала.)

К о р о б е й н и к о в. Да, там трудно... судя по рассказам.

Вдали слышна маршевая песня, которую поют мужские голоса.

Слышите? Это наши...

Пауза.

Л ю б о в ь. А я и не простилась... (Стоит на кушетке на коленях.) Возвращайтесь, мальчики! Будьте здоровы, мальчики!

Молчание.

Коробейников. Да... война... (Негромко.) Будь она прокля-
та!

Пауза.

Любовь. Вот вы очень штатский... то есть очень-очень мир-
ный человек, а выбрали себе такую профессию — танки
строить... Почему, Донат Алексеевич?

Коробейников. Именно потому, что штатский. Воевать,
Любаша, должны главным образом те, кто ненавидит вой-
ну, потому что только они могут добиться настоящей
победы.

Любовь (боясь своих слов). А что, если... Нет, об этом даже
сказать страшно, но ведь всю Европу они завоевали, а
теперь вот по нашей земле идут и идут... У самой Москвы
ведь! А что, если...

Коробейников (негромко). Нет, Любаша. Есть народ. Верю
в него свято. Трудно нам сегодня, а день победы все-таки
придет.

Любовь (жадно смотрит на него). Правда? Это правда?

Коробейников. Вот у поэта Александра Блока есть, Лю-
баша, такие стихи...

«Дай мне неспешно и нелживо
Поведать пред лицом твоим
О том, что мы в себе таим,
О том, что в здешнем мире живо,
О том, как зреет гнев в сердцах,
А с гневом — юность и свобода.
Как в каждом дышит дух народа,
Сыны отражены в отцах...».

Понимаете — в каждом дышит дух народа. Вот почему мы
непобедимы, Любаша.

Любовь (смотрит на него). Как вы хорошо сказали!

Коробейников. Немножко высокопарно, кажется. (Улыб-
нулся.) Что поделаешь, это в характере...

Любовь (серьезно). Нет, очень верно.

К о р о б е й н и к о в. Благодарю. А теперь помогите мне закрыть чемодан.

Они стоят близко друг к другу. Это их смущает.

Вот так. Захлопнулся.

Л ю б о в ь (указывая на тюк, который принес Данила). А это чьи вещи?

К о р о б е й н и к о в. Не знаю.

Л ю б о в ь. Да... все куда-то едут.

К о р о б е й н и к о в (помолчал). Ну-с, кажется, и мне пора. Еще на завод надо забежать... Через три-четыре часа — Ленинград. (Пауза.) До свидания, Любаша.

Л ю б о в ь. До свидания, Донат Алексеевич.

К о р о б е й н и к о в (роется в карманах). Вот, выдвигающее зеркальце, оно же пудреница, оно же кошелек. Очень полезная вещица. Никак не мог ей найти должного применения. Прошу... на память... (Быстро выходит.)

Любовь бродит по комнате. По радио слышится музыка, где-то недалеко ухнула зенитка. В дверях Надежда. Она без берета, дождевые капли стекают по ее лицу.

Л ю б о в ь. Почему ты молчишь?

Надежда медленно идет к Колиной комнате, отворяет дверь и молча туда смотрит. Пауза. Слышен голос Веры: «Ну, что ты стала в дверях? Что с тобой, Надежда?» Надя поворачивается от двери и пристально оглядывает комнату.

(Тихо.) Говори же, Надька!

Из Колиной комнаты вышла В е р а. Она беспокойно смотрит на младшую сестру.

В е р а. Что-нибудь случилось на заводе? (Боятся произнести это слово.) Эвакуация, да? (Пауза.) Ты была в комитете?

Н а д е ж д а (без интонации). Эвакуации нет. Я была в комитете, у тебя на столе письма. Какая-то бандероль и пакет из «Комсомольской правды». Больше ничего нет.

Пауза.

Любовь. Ты врешь.

Надежда. Да.

Вера. Говори правду.

Надежда. Сейчас. (Пауза.) Простите меня. У нас Колю убили.

Все молчат.

Вера. Как ты узнала?

Надежда. Тебе пришло письмо от командира их бригады.

Я прочла его в комитете. Гаврилова не велела говорить, но я знаю вас лучше, чем она. Я сказала правду.

Вера. Что там написано, в письме?

Надежда. Они его любили.

Сестры сидят на кушетке, тесно прижавшись друг к другу, точь в-точь как в тот вечер, когда они читали Колино письмо.

Вера (обнимает сестер). Вот... Мы все здесь... втроем.

Слышен стук.

Стучат.

Надежда. Я пойду узнаю. (Идет на улицу и тотчас возвращается. В ее руках маленький треугольный конверт.)

Письмо от Коли...

Любовь. Как же это?

Надежда (смотрит на конверт). Долго было в пути.

Надежда раскрывает конверт, вынимает письмо. С улицы доносится стрельба зенитных орудий.

Любовь. Читай!

Надежда. «Здравствуйте, милые сестрички. Пишу вам редко, потому что идут очень тяжелые бои. Когда погиб Бондаренко, то меня выбрали секретарем комитета комсомола, здесь в боях это значит быть первым. Вы все, наверное, спрашиваете, почему мы отступаем и почему отдали столько нашей советской земли? Нет, мы не трусы, не думайте так про нас, пожалуйста, но очень у фашистов

преимущество в авиации и, главное дело, в танках. Если бы у нас было столько — мы бы смели их с лица земли. Это я пишу вам для того, чтобы вы знали, что значит для нас ваша работа. Я знаю, вам тяжело; я знаю, вам очень трудно, но давайте все больше и больше танков. Сообщите на заводе всем мои слова, потому что это правда, а не трепатня. Ну, больше писать сегодня нечего. Люба, передай Зойке Смысловой, что она стала мне часто снится. К чему бы это? Надюшка, а я научился фокусу — четыре кольца и спичка. Крепко вас целую, мои дорогие сестренки. Остаюсь ваш брат Николай Иванов».

Молчание. Мощные залпы зениток. Сестры сидят не шевелясь.

В е р а. Зойка Смылова — это какая?

Л ю б о в ь. На контроле работает... такая курносая.

Н а д е ж д а. С косичками?

Л ю б о в ь. Да...

Где-то близко падает фугаска. Грохот.

В е р а (тихо). Вы поняли, что было в письме главное?

Л ю б о в ь. Да.

В е р а. Это надо запомнить... и ничего, кроме этого.

Быстро входит Гаврилова.

Г а в р и л о в а. Почему в укрытие не ходите? В укрытие ходить надо.

Надежда уходит в Колину комнату.

Ну... Звонил Заварыкин из Комитета Обороны. Принято решение — завод эвакуировать.

В е р а (вскрикнула). Что?

Л ю б о в ь (тихо). Как — эвакуировать? Куда?

Г а в р и л о в а. На Урал.

Пауза.

В е р а. Значит, положение Москвы... серьезное?

Г а в р и л о в а. Да. (Пауза.) Строительная площадка на Урале уже определена, ведутся подготовительные работы. Надо как можно скорее вывезти оборудование и народ и приступить к монтажу на новом месте.

Л ю б о в ь. На каком на новом месте? Не может быть никаких новых мест! Нет, не верю, ничему не верю!

Г а в р и л о в а. Не кричи, Любовь, я устала, я четвертую ночь не сплю!

Л ю б о в ь (в ожесточении). Вот письмо от Николая, его последние слова — дайте нам танков, дайте нам больше танков! Лена... Ленка! (Обнимает Гаврилову.) Мы должны остаться здесь, работать под бомбами, под огнем снарядов! Пойми, чтобы вывезти оборудование и наладить производство, нужны годы... Три месяца назад мы установили новые термитные печи, как ты их вывезешь? Ну?

Г а в р и л о в а. Подведем рельсовый путь к цеху, разрежем печи, сломаем стены и увезем все, до последнего кирпича.

Л ю б о в ь. Сломать стены? Их отец мой ставил! Да ты понимаешь, что ты говоришь?.. (Закрыв лицо руками, валится на кушетку.)

Молчанце.

Г а в р и л о в а (Вере, нетвердо). Руководить всеми эвакуационными работами поручено тебе, Вера...

В е р а. Мне?

Г а в р и л о в а. Да... Заварыкин через час вылетает на Урал. (Помолчав.) Райком требует людей на строительство оборонительных укреплений. Мы можем без ущерба освободить от эвакуационных работ человек триста. Это два отряда по полтора человека. Бригадиром первого отряда пойду я... а вот бригадиром второго?

В е р а молча указывает на плачущую Любу.

Л ю б о в ь... ты член партии?

Л ю б о в ь (вытирая слезы). Кандидат...

Гаврилова. Пойдешь бригадиром второго отряда.

Любовь. Хорошо... спасибо, Лена. Ведь, может, завтра все изменится, и главное — это быть возле завода.

Молчание. Из Колиной комнаты возвращается Надежда, она переоделась в дрoзгу.

Вера (решительно). А ты, Надежда, уедешь на Урал с первым же эшелoном.

Надежда. Ни с первым, ни с последним эшелoном на Урал я не уеду, Вера.

Гаврилова. Ну вот, теперь эта! Черт вас выдумал, сестры Ивановы.

Надежда. А не уеду я потому, что ровно через час я отправляюсь на фронт с санитарным поездом. Вот (показывает на тюк) вещи уложены, а расчет на заводе я уже получила.

Пауза.

Вера. Что?

Любовь. Но ведь ты же ничего не умеешь. Кому ты нужна, Надька!

Надежда (спокойно). Три дня назад я кончила курсы медсестер.

Вера. Куда же ты едешь?

Надежда. Все туда же, к Ленинграду. Как видите, мои желания неизменны. Я так хочу, и никакая война не помещает моим желаниям.

Любовь (улыбнулась). Мадам Штраус в своем обширном репертуаре.

Гаврилова. Я же говорю. Черт выдумал эту семейку.

Любовь. Иди сюда, я поцелую тебя, Надежда. (Целует ее.)

Входит Данила, в руках у него цветы и сверток.

Данила. Вот. Немного цветов и полкило колбасы. Идем, я провожу тебя до метро.

Занавес

Часть вторая

Картина третья

Двадцать шестое ноября.

Немцы ближе к Москве, чем когда бы то ни было. На окраинах слышна артиллерийская стрельба. Ждут обстрела города. На улицах баррикады, заграждения.

Завод. Он подобен огромному кораблю, потерпевшему крушение. Пустынно. Девятый час вечера, но ощущение ночи. В помещении комсомольского комитета хаос и неразбериха. На полу пустые ящики и клочья бумаги. В углу потрепанный кожаный диван, на нем подушка, одеяло и чье-то пальто. Данила в зимнем пальтишке и ушанке слушает по радио сводку о том, что враг у ворот города. Входит Вера. Она оглядывает комнату, стягивая с головы теплый шерстяной платок.

Вера. Опять не уехал? Ты что же, смеешься надо мной? (Устало садится.) Пять раз давала тебе талоны на эвакуацию...

Данила (у репродуктора). Замерзший грунт и отсутствие снежных заносов дают возможность танкам противника продвигаться без шоссейных дорог...

Вера. Твой отец три телеграммы послал... ждет тебя.

Данила молчит.

Что передают?

Данила. Немцы в Истре.

Вера (не сразу). У Заварыкина дача там была.

Данила. Хорошая?

Вера. Ничего.

Отдаленный грохот орудий.

Слышишь? Это не зенитки.

Д а н и л а (прислушивается). Дальнобойная...

Пауза.

В е р а (подходит к календарю). Сегодня какое число?

Д а н и л а. Двадцать шестое ноября.

В е р а. Смешно... Сорок дней не трогали календаря, времени не было.

Звонит телефон.

Д а н и л а (берет трубку). Комсомольский комитет... Да, она вернулась. (Передает трубку Вере.) Из райкома.

В е р а (берет трубку). Слушаю... Здравствуй, Эстеркин... Да, все кончилось, утром отправили последний эшелон... Нет, вывезли все... Ночью здесь, у нас в доме все рамы вышибло... Ну, теперь уж все равно, завтра уезжаю с последней группой... Хорошо, утром зайду. Спокойной ночи... Что? Не собираешься? Ну да, конечно. (Вешает трубку.) Холодно здесь.

Д а н и л а. Да...

В е р а ((помолчав). Я сейчас все цеха обошла... с фонариком.

Д а н и л а. Там жутко.

В е р а. Очень. Стоишь и вспоминаешь. (Помолчав.) Да... Жутко.

Это довольно точно. Ты сегодня ел что-нибудь?

Д а н и л а. Хлеб в портфеле, если хотите.

Вера ест хлеб, запивая его водой из кружки.

А вот я не думаю о том, что было, я о том, что будет, думаю.

В е р а. Ты праведник.

Д а н и л а. Я ведь не поеду с вами, сообщаю это вполне официально. Меня Грошиков в ПВО завода устраивает. Пожарником буду работать. А в данное время мне самостоятельность крайне полезна, она характер выковывает.

В е р а. Скучная ты фигура. И фантазии у тебя все какие-то солидные. А еще моряком хочешь быть!

Д а н и л а. У вас, Вера Петровна, о морской профессии вуль-

гарные представления. Настоящие моряки вовсе не бузотеры, а люди сумрачные, решительные и хладнокровные. Я эти черты годами в себе вырабатываю.

В е р а. А, ну тебя! Одно я понять не могу, как ты с Надеждой ладил? Влюблен в нее был, что ли?

Д а н и л а. Я молод еще и смешной фигурой быть не намерен.

В е р а (засмеялась). А трубка у тебя откуда?

Д а н и л а. Алеша подарил. Отцовская.

В е р а. Ну-ка покажи.

Д а н и л а (передает ей трубку). Между прочим, он хороший человек, ваш Алеша...

В е р а. Мой? (Быстро отдает трубку.) Смешно... Почему это он мой?

Д а н и л а (улыбнулся). Не ваш так не ваш, я ведь не настаиваю. Только вы вчера во сне с одним Алешей разговаривали, ну я и решил по своей глупости, что вам Кустов снился.

В е р а. А... что я говорила?

Д а н и л а. Вы, Вера Петровна, пирожки с капустой ему предлагали, а он, видимо, пирожков с капустой не хотел, и вы очень огорчились.

В е р а. Это мне мой дядя снился, его тоже Алешей зовут. Дядя Алеша...

Д а н и л а. Дядя так дядя, я не настаиваю.

В е р а. Ох и ехидная ты личность, Данила!

Д а н и л а. А как же! Я известный змей, Вера Петровна.

Вдали слышен говор чьих-то голосов, крики. Потом все снова стихает.

В е р а (прислушивается). А в дежурке опять народ собрался и возле ворот и в проходной. Целая толпа.

Д а н и л а. Они с утра на завод приходят, так и сидят до ночи. Все ждут чего-то.

Молчание.

В е р а (вытянулась на диване). Устала. Завтра Любовь приедет... и Гаврилова. Будем собираться... И снова вокзал...

И дорога... (Начинает дремать.) Какой он из себя, этот Урал? Вот и узнаем... (Засыпает.)

Тихая музыка. Паровозные гудки. Вой ветра. Отворяется дверь, и входит Коробейников. За спиной у него рюкзак, в одной руке чемодан, а в другой девочка лет трех — она спит, обхватив руками его шею.

Д а н и л а. Донат Алексеевич... Приехали?

К о р о б е й н и к о в. Да.

Д а н и л а. Вы самолетом?

К о р о б е й н и к о в. Да.

Пауза.

Д а н и л а (его пугает немногословие собеседника). А мы сюда перебрались. У нас фугаска возле дома упала, все стекла выбило.

К о р о б е й н и к о в. Я видел. Там заколочена дверь. (Садится на стул, осторожно опуская девочку на колени.)

Д а н и л а. Это девочка?

К о р о б е й н и к о в. Да.

Д а н и л а. Она спит?

К о р о б е й н и к о в. Да.

Д а н и л а. А как ее зовут?

К о р о б е й н и к о в. Варвара.

Д а н и л а. Редкое имя. А ей сколько лет?

Пауза.

К о р о б е й н и к о в (смотрит на девочку). Три года.

Д а н и л а. Еще маленькая. (Помолчав.) А где же ваша жена?

К о р о б е й н и к о в. Что?

Д а н и л а. Ну... ее мама.

К о р о б е й н и к о в (не сразу). Умерла.

Д а н и л а. Умерла?

К о р о б е й н и к о в. Давно. Очень давно. У нее было воспаление легких, и она скончалась. В постели. Вы помните, как раньше умирали? В постели. Приходил доктор.

Данила молчит.

Я хотел спросить... Любовь Петровна не вернулась? Нужно, чтобы она посмотрела за девочкой...

Данила. Нет еще. Она утром вернется.

Коробейников. Так-с. Чудесно.

Пауза.

Данила. Как в Ленинграде, Донат Алексеевич?

Коробейников. Кировский завод работает днем и ночью.

Данила. Это хорошо. *(Помолчав.)* А в городе большие разрушения?

Коробейников. Нет. Но такие дома есть.

Пауза.

Есть такие дома.

Данила. Как бы девочка не проснулась... *(Открывает дверь в смежную комнату.)* Положите ее сюда, к Чеснокову в комнату. Тут и диванчик...

Коробейников *(уносит девочку в соседнюю комнату и через несколько мгновений возвращается без пальто).* Я накрыл ее пальто. Она не замерзнет. У меня теплое пальто, это совершенно очевидно.

Пауза.

Данила. Ей надо достать молока.

Коробейников. Вы полагаете?

Данила. Конечно... Я попробую, Донат Алексеевич. *(Идет к двери.)*

Коробейников. А что этот... ну, этот инженер, что не дурак выпить...

Данила. Ершов?

Коробейников. Вот-вот... Он не уехал, этот Ершов?

Данила. Нет, он был наверху, в заводоуправлении. Иногда он ночует здесь. Только вы платок на плечи накиньте. Вера Петровна спит, ей не понадобится... А то холодно здесь.

Коробейников. Платок? Это идея. *(Закутывается в Верин платок.)* Превосходно! Ну-с, идемте.

Они уходят. Некоторое время комната пуста. Вера спит. По-прежнему доносится тихая музыка — это не выключи-

ли радио. В дверях появляются Любовь, Маруся, Смагин. Ватники и лыжные штаны девушек изрядно обтрепались, только Смагин, который больше других следит за собой, сохранил лихость вида.

Смагин (увидел спящую Веру). Я же говорил, здесь она.

Любовь (наклоняется к Вере). Эх... бледная какая...

Смагин. Тише ты, пускай спит.

Маруся. И верно. Все ночи ведь не спавши работала. Мне сейчас девчата в проходной говорили. Только сегодня последний эшелон ушел...

Смагин. Да, разорили завод.

Маруся. Будет плакаться-то. Развели драму...

Смагин. А я что? (Кивает на Любовь.) Я вон ей сочувствую.

Маруся. Молчал бы в тряпочку. Ты что, характера ее не знаешь?

Гаврилова (входя). Верка здесь?

Смагин. Спит.

Гаврилова (вполголоса). Когда приехали-то?

Маруся. Только с машины. Нам сегодня досталось, три раза мотор глох, намерзлись, ужас!

Гаврилова. А я еще днем приехала, ну и в город сразу. В центре совсем пустынно. И ребятни не заметно... А на кремлевские звезды защитные чехлы надели.

Любовь (поднимает голову, смотрит на Гаврилову). По цехам ходила?

Гаврилова (тихо). Нет, не пойду туда. Зачем мне... (Неожиданно резко.) Чего я там забыла? (Пауза.) Ну, что ты на меня смотришь? Точно я во всем виноватая... Не смей на меня смотреть, слышишь?

Любовь (негромко). Не пойдешь? А я вот пошла. В цехах снег, вода замерзшая, стекла выбиты, все разорено. Нет, не пойму, как она могла сама... своими руками... А теперь спит, ты погляди, как спокойно спит...

Вера (открывает глаза, по лицу ее текут слезы, и она тихо говорит). Нет, я не сплю, Люба.

Любовь. Вера! (Обнимает ее.) Верка!

Маруся. Да бросьте вы психовать, девочки! (Отходит в сторону.) Нет, не могу, не в моем характере!..

Смагин. Да уж где тебе! Известно, бездушная кокетка.

Маруся. Много ты понимаешь!

Вера (оглядывает всех). А обтрепались вы, совсем бродяги...
Верно, досталось?

Любовь. И не говори. Земля мерзлая, лопата ее не берет. А тут еще бомбят кругом... А норма знаешь какая — бомбежка не бомбежка, а выполнить надо. Ну и кормят без интереса, с ветерком!

Смагин (созерцательно). И до чего мне фашисту морду набить хочется, этого ты, Вера Петровна, представить себе не можешь... У других мечты, конечно, более серьезные — стереть с лица земли и так далее... А у меня — нет! Охота собственноручно набить морду. Во сне это вижу.

Маруся. Будет хвалиться-то. Надоел до смерти. (Вере.) Говорят, уезжаем завтра?

Вера. В девятнадцать тридцать на вокзале... Я от Заварыкина телеграмму получила, они там чудеса показывают — закончен монтаж первой очереди...

Любовь. А от Надьки так и ни звука?

Вера (заулыбалась). Как же, третьего дня с okazji получила. Моряк заходил. (Достает письмо.)

Гаврилова (Вере). Ты вслух читай, всем ведь интересно.

Вера. «Здравствуйте, дорогие сестры! Вот я и на Балтийском море... Как я сюда добралась, рассказать трудно, но мне очень хотелось, и вот я здесь. В жизни надо исполнять желания, тогда ничего не страшно. Я живу хорошо, и у меня много друзей. Смешно, но больше всего здесь пригодились мои фокусы. В минуты затишья меня водят с батареи на батарею, так меня и зовут фокусницей... Пишут ли вам из батальона? Тут я зачеркнула пять строчек. Ну, будь что будет. По вечерам я вспоминаю вас, нашу Шаховскую улицу и далекое, милое Черкизово. Странно — раньше я его не любила. Ну, ступай, письмо, своей дорогой. Крепко целую вас, мои старшие. Надежда».

Пауза.

Гаврилова. Да... А старшая-то у вас она.

Любовь. Мадам Штраус, кто ее разберет...

Вера. Странно, а я совсем не волнуюсь за Надьку. Она счастливчик у нас.

Маруся. Фасону больно много, а так ничего.

Входит Данила с бутылкой молока в руках.

Смагин. А, чижик! Чирик-чирик... И молочка нам принес. Вот спасибо!

Маруся (*заглянув в соседнюю комнату*). Что это?.. Там девочка спит! Хорошенькая такая.

Данила (*быстро*). Я должен предупредить. Дело в том, что вернулся Донат Алексеевич. По-видимому, в Ленинграде у него случилось несчастье... Дом, в котором он жил, разрушен и...

Любовь. Что?

Вера. Он сам тебе это сказал?

Данила. Он ничего мне не сказал, но я понял. Он привез свою дочь.

Любовь. Светланку?

Данила. Нет, Варю.

Любовь. Какую Варю? У него одна дочь, и ее зовут Светланой. Ей девять лет.

Данила. Вы что-то путаете, Любовь Петровна, ей три годика...

Пауза. В дверях появляется Коробейников, молча оглядывает всех и медленно идет к Любе.

Коробейников. Я счастлив, Любовь Петровна. Вы вернулись — это превосходно...

Любовь. Что с вами, Донат Алексеевич?

Коробейников (*строго*). А что?

Любовь. Вы... (*Вглядывается в него.*) Нет, ничего.

Коробейников. Ну-с... Впрочем, я действительно был наверху у Ершова. Вот... такова истина... Глоток вина, как

говорят французы, для усталого человека равен выпитой дюжине бутылок! Вуаля! (Медленно опускается на диван и беспомощно обводит глазами всех.) Простите... Есть все основания полагать, что я говорю чепуху.

Пауза.

Д а н и л а. Я достал молока, вот, Донат Алексеевич. (Передает бутылку Коробейникову.)

Коробейников некоторое время молча вертит бутылку в руках, а потом протягивает ее Любе.

К о р о б е й н и к о в. Со мной приехала моя дочь, она нуждается в некотором уходе. Ну-с... К сожалению, я не всегда знаю, как с ней поступать...

Л ю б о в ь. Вы привезли Светлану?

Пауза.

К о р о б е й н и к о в. Ее зовут Варвара.

Л ю б о в ь. А ваша жена? Она приехала с вами?

Пауза.

К о р о б е й н и к о в (внимательно смотрит на нее). Простите меня... (Садится, прикладывая к своему лбу ее руку.) Нету, никого нету. (Помолчав.) Эту девочку я нашел возле того места, где был мой дом. Она плакала. Я взял ее. Вот и все.

С улицы слышен отдаленный шум. С каждой секундой он делается все явственнее.

Г а в р и л о в а (тревожно). Слышите?

Все молчат.

К о р о б е й н и к о в (поднял голову). Это танки.

Пауза.

М а р у с я (вскрикнула неуверенно). Немцы!..

Д а н и л а. Эх... дамочка!

С м а г и н. Молчала бы лучше...

Грохот приближается.

Любовь. Тише! (Пауза.) Там кричат что-то...

Вера (бежит к окну). Погасите свет! Штору поднимите!

Смагин тушит лампу. Данила поднимает штору, все бросаются к окну. Слышится неистовый вой машины. На мгновение комната, словно прожектором, освещается с улицы.

Любовь (вскрикивает). Фары!

Грохот умолк.

Гаврилова. Танк у ворот завода.

Смагин. Я... я вниз побегу.

Любовь. Подожди, Витька!

Слышно, как отворяется дверь и в темноте кто-то неверными шагами входит в комнату.

Гаврилова. Я штору спускаю, зажгите свет.

Мгновенная темнота. Гаврилова опустила штору. Когда Данила зажигает лампу, все видят стоящего в дверях танкиста. Комбинезон его обгорел и изорван, шлема нет, голова перевязана какой-то тряпкой, лицо в черных подтеках от грязи, дыма и копоти. Чтобы не упасть, он держится за косяк двери.

Любовь (бросается к нему). Шеремет... Женька!

Шеремет (оглядывает комнату). Ну вот, вся компания!.. И ты, Витенька!.. Еще существуешь? (Резко.) Воды давай!

Смагин (оживился). Это дело, узнаю разговор!.. (Тащит ему воду.)

Шеремет (жадно пьет). Где Надежда?

Любовь. Уехала. На фронте, под Ленинградом.

Шеремет (бросает кружку). Эх, Алешка!..

Вера. Где он... Алексей?

Шеремет. Внизу.

Вера. Ранен?

Шеремет. Умирает.

Вера, словно недоумевающая, смотрит на Шеремета и как-то странно машет на него рукой.

Гаврилова. Смагин, Данила, ступайте вниз, живее!.. Помогите им, Донат Алексеевич!

Мужчины идут к двери.

Шеремет (взял Данилу за руку, тихо). Слышь, чижик, ты не шарахайся, там Думбадзе убитый!.. Смагин! Веди машину в ремонтную, пусть они вне очереди начинают!.. Понял?

Смагин посмотрел на него и, ничего не сказав, побежал за остальными.

Вера. Зачем? Зачем ты привез сюда Алексея? Его в лазарет надо. Его можно спасти!.. Я знаю, его можно...

Шеремет (яростно). Что я — маленький! Смерти не видел? Не знаю, чего можно, а чего нельзя?! Он сам это знает, и... и на черта ему перед смертью врать! (Пауза.) Прямо с боя он велел танк гнать сюда. Вся моторная группа в порядке, я машину за два часа довел!.. Но ремонт серьезный — разбита передняя стенка башни и ствол пушки термитным снарядом пробило!.. Я обещал, я слово дал — за несколько суток вернуть машину. И ты скажешь Зава-рыкину, чтобы сегодня же начали ремонт.

Молчание.

Любовь. Нет больше завода, Женька.

Шеремет. Чего ты врешь? Как — нету?

Гаврилова. Завод эвакуирован, он работает на Урале.

Шеремет. А вы что же?

Гаврилова. Завтра уезжаем.

Шеремет (тихо). Это правда, Вера?

Вера. Да.

Смагин, Коробейников, Данила вносят Алешу и кладут его на диван.

Д а н и л а (Вере). Я на пост — тревога по объекту! (Убегает.)

Отчаянная стрельба. Все возле Алеши.

В е р а. Алеша... Алеша...

Л ю б о в ь. Ну, что вы стоите? Надо врача...

М а р у с я. Я сбегаяю... Я сейчас... (Убегает.)

К о р о б е й н и к о в. Подождите... (Смотрит Алеше в лицо.) Кажется, Женя прав.

В е р а. Что... нет надежды?

А л е ш а (внятно). А где она? Позовите.

Ш е р е м е т. Она сейчас придет. Лежи тихо.

А л е ш а (чуть приподнимаясь). А, Гаврилова! Здравствуйте, дама, приятная во всех отношениях... (Замечая входящую Марусю.) Ну как, Маруся?

М а р у с я (тихо). Спасибочко.

А л е ш а. Какая вы грязная, Маруся! Почему вы грязная? У вас нет воды? Вы потеряли полотенце?..

М а р у с я. Я вымоюсь.

А л е ш а. Обязательно. (Теряет сознание.)

В е р а. Нет, звони врачу... все равно!

Д а н и л а (появляясь в дверях). В прокатном крыша горит! Кто свободен — скорее, граждане! А то ветер сильный... Вы на второй корпус полезайте, там людей мало. (Убегает.)

Л ю б о в ь (бежит к двери). Идем, Гаврилова!

К о р о б е й н и к о в. Маруся, девочку возьмите. (Уходит вслед за Смагиным.)

Маруся бежит в смежную комнату. Шеремет подходит к Вере, которая сидит возле Алеши.

Ш е р е м е т. Ему воды надо.

В е р а. Графин пустой.

Ш е р е м е т. Принеси. На кружку.

Вера убегает. Стрельба.

Гаснет свет. Снова зажигается.

(Оглядывается.) Москва!

Через комнату проходит Маруся с девочкой на руках.

Алеша. Это что... стреляют?

Шеремет. Нет, тебе кажется. Это в ушах у тебя... после боя...

Алеша. Конечно. Москва ведь. Завод работает?

Шеремет. А ты думал... Ясно.

Алеша. Думбадзе жив?

Шеремет. Нет.

Алеша. А Левушка?

Шеремет. Ну его к черту, твоего Левушку! Я его на бензин Гичкину сменял. У нас бензина не было, а у Гичкина стрелка убило.

Пауза.

Алеша (быстро). Женя, стань сюда. Ближе. Вот так. Слушай... Я умираю — это факт. Женя, у меня никогда не было друга. Ты первый. И в ту ночь у Наро-Фоминска, помнишь, я рассказал тебе про Надю. И ты мне рассказал про Надю. И мы слово дали друг другу. Помнишь?

Шеремет. Помню.

Алеша. Повтори.

Шеремет (твердо). Если кто вернется живой, во имя дружбы Наденьку не трогать, Наденьку не трогать никому, кто вернется.

Алеша. Так вот... Считай это за шутку. Это была шутка, понял?

Шеремет. Алешка, нет, мы слово давали.

Алеша. А я освобождаю, слышишь?

Шеремет. Нет.

Алеша. Женя, руку... (Берет его руку.) Да! Слышишь?

Шеремет молчит.

Опять не вижу... Темно... (Выпускает руку.) Женька!..

Вера (вбегая). Вот вода... (Наклоняется над Алешей.)

Алеша. Надя? Это вы, Наденька? (Пауза.) Вы, мадам Штраус? Божий подарочек... приснитесь мне, как тогда, возле Истры... Вы с цветами пришли и дали стакан холодной,

чистой воды. (Вскрикивает.) Женька, слово... Помни —
освобождаю... (Умирает.)

Ш е р е м е т. Все. (Целует его в губы.)

М а р у с я (возвращается). И огонь погасили, а она все спит, все
спит... (Глядит на девочку, улыбается.) Вот намучилась,
бедная... (Уходит в соседнюю комнату.)

В е р а (вглядываясь в Алексея). Он... он любил Наденьку?

Ш е р е м е т (тихо). Он любил ее так сильно, как никто на све-
те не сумеет.

Возвращаются Любовь и Гаврилова.

Г а в р и л о в а. Улетели.

Л ю б о в ь. Как Алеша?

Вера молчит.

Ш е р е м е т (встает). Я сказал ему, что танк на ремонте. (Пауза.)

Я сказал ему, что танк на ремонте!

Снова молчание.

Слушай, Иванова, он велел, это надо сделать.

В е р а. Как? Пустые цеха. Мы все вывезли. У нас ничего нет,
Женя.

С улицы снова слышен тяжелый лязг гусениц.

Г а в р и л о в а. Что это?

Из смежной комнаты выбегает Маруся.

М а р у с я. Танки идут! У заводских ворот остановились...

С м а г и н (вбегает.) Вера Петровна, еще две машины прибыли.

В е р а. Зачем?

С м а г и н. На ремонт, прямо с боя... Я им объясняю — завод
эвакуировался, а они не слушают. «Нам, говорят, дела нет,
на машине паспорт с адресом. Ей, говорят, здесь ремонт
указан. Мы, говорят, на Урал не поедem, у нас такого вре-
мени нет... И при этом, учтите, — по матери меня послали...
неоднократно!

Пауза.

Ш е р е м е т. Ну, решай, Иванова.

В е р а. Смагин, ступай вниз, скажи — пусть им откроют ворота. Гаврилова, поезжай в МК партии. Скажи, с фронта на ремонт приходят танки... их надо вернуть армии. Мы приступили к этой работе... Просим помочь чем можно.

З а н а в е с

Картина четвертая

Тринадцатое декабря.

Морозный день первой военной зимы. Это было в субботу, мы все помним этот день.

В комнате сестер на Шаховской улице окна забиты фанерой, только одна створка уцелела, и мы видим, как за стеклом, на воле, падает крупный снег. В углу топится железная печурка, по комнате там и сям разбросаны детские игрушки. Поздний утренний час. С улицы в комнату входят Гаврилова и Маруся.

Гаврилова. Вера! Ты дома, Верка?

Любовь (выходит из Колиной комнаты). Сейчас. Подождите...
(Снова скрывается.)

Маруся. Что это? Может, девочка захворала?

Гаврилова. Нет, верно, еще не встали, они ведь в ночную работали. Говорят, на рассвете митинг у вас был?

Маруся. Да, по случаю окончания ремонта первых танков. Шеремет очень красиво выступал, в конце охрип даже. А ты почему не присутствовала? Тебе по новой работе обязательно бы надо быть: секретарь партийного комитета все-таки.

Гаврилова. На подсобное хозяйство ездила, а там такая путаница... ну и пришлось заночевать.

В е р а (входит). Здравствуйте, девушки! У нас тут такое... (Не сразу.) Надежда вернулась!

Гаврилова. Брось!

В е р а. Ее вечером санитар доставил, прямо с поезда.

Г а в р и л о в а. Она что, ранена?

В е р а. Боюсь, хуже... *(Как-то виновато.)* Понимаете, девушки, она зрение потеряла. Ничего не видит. Совсем.

М а р у с я. Ой, господи!..

Л ю б о в ь возвращается из Колиной комнаты.

В е р а. Ну, как она?

Л ю б о в ь. С Варькой разговаривает. Слышали, девушки?

Г а в р и л о в а. Вера рассказала...

Л ю б о в ь. Она так совсем здоровая, и никакого там следа или шрама. Завтра ее в больницу положат, на операцию, вроде надежда есть, что зрение вернется...

Д а н и л а *(входит с улицы, укутанный, несет судки)*. Черт, руки заоченели с этими кастрюлями!..

М а р у с я *(улыбается ему)*. Здравствуйте, Даня!

Д а н и л а *(мрачно)*. Привет. *(Идет в Колину комнату.)* Сегодня Варьке молочную лапшу дали. *(Проходит.)*

М а р у с я. Хорошенький парнишка будет. *(Смотрит ему вслед.)*

В е р а *(поглядела на Гаврилову)*. А ты что сумрачная?

Г а в р и л о в а *(нехотя)*. На заводе неприятности... Опять из минометного наркомата приезжали, имеем, говорят, точные сведения, что вас ликвидируют, и вот задание получили на вашей территории минометный цех организовать. Дескать, нам доподлинно известно о вашей эвакуации на Урал.

Л ю б о в ь. Это все Заварыкин подстраивает. Его штуки!

В е р а *(быстро)*. Ленка, милая, звони в МК партии, они же в курсе, они обещали помочь...

В дверях, не замеченная никем, Надежда.

Ну что за день сегодня несчастливый: и на заводе неприятности, и с Надеждой горе. Нынче какое число?

Л ю б о в ь. Тринадцатое декабря.

В е р а. Ну вот, конечно... тринадцатое.

Н а д е ж д а *(негромко)*. Странно... А я всегда считала тринадцатое счастливым числом.

Все обернулись. Надежда стоит возле двери, придерживаясь рукой за этажерку. На ней поношенная краснофлотская форма и очень просторные лапчатые валенки, на плечи накинут теплый Верин платок. Все немного смущены, отчего молчание длится больше, чем следовало.

Гаврилова (неуверенно). Ну вот, собрались суеверные. Вы, может, и в черных кошек еще верите?

Надежда. В черных кошек у нас Любка верит. (Протягивает руку в ее сторону.) Здравствуй, Гаврилова... И здесь Маруся, кажется?

Маруся (чересчур бодро). А, Надька... привет!

Надежда. Фу-ты, оглушила! Ну-ка, покажите, где у вас тут стул. Я сяду лучше.

Любовь. Вот кушетка... (Ведет ее.) Садись по старой памяти.

Гаврилова. Мы пойдем с Марусей. (Вере.) Я в МК партии поеду, а ты по своей линии действуй. Вечером встретимся.

Маруся. Счастливо. (Уходит с Гавриловой.)

Надежда. Девочка славная. Голосок тонюсенький. Она мне стихи читала: «Бармалей, Бармалей любит маленьких детей...». (Пауза.) Ну рассказывайте, как вы тут жили без меня.

Вера. Да я уж рассказывала. Трудно было. Очень. Особенно последний месяц. Завод мы эвакуировали, а тут стали танки с фронта приходить. А оборудования у нас никакого. В корпусах стекла выбиты, мороз, ветер. Инструменты из дому тащили, у кого что есть. Потом на свалке два станка обнаружили допотопной системы — ничего, приладили и пустили. Из Большого театра токарный станок приволокли — Данила его там обнаружил, забавный такой гномик. Вот и собрали с миру по нитке. Московский комитет партии нам очень помогал, чуть что — мы сразу туда за помощью... Да. Одно плохо — положение у нас какое-то нелегальное. Все на Урал к Заварыкину отправить нас собираются, просто влюблены в эту идею.

Надежда. А как у него дела на Урале?

Вера. Что ж, ругать не приходится, дал первые танки. Нам-то

понятно, чего это ему стоило... Жаль только, против нас враждует, разные козни строит. Иной раз до того обозлишься — спасения нет, а потом войдешь в его положение, ну и посылаешь ласковый привет.

Любовь (*задумчиво*). А странно, как подумаешь, — где-то далеко друзья, приятели и завод. Гоша бюллетени вывешивает, Дуська с Коркиной враждуют, а Островер опять чего-нибудь изобрел...

Вера. Люба у нас очень изменилась, правда? Ты посмотри на нее. (*Осеклась.*)

Люба машет на нее рукой. Надежда сидит неподвижно.

Надежда. А у вас тепло здесь... Это что за книжка?

Любовь. «Манон Леско». Очень интересная.

Надежда. Помню такую. (*Пауза.*) А где же кот Жора?

Любовь. Эвакуировался...

Надежда. Тише! Кажется, шаги... (*Прислушивается.*)

Вера. Нет.

Надежда. Значит, показалось. (*Не сразу.*) А что Шеремет, он знает, что я приехала?

Вера. Вряд ли. Он ведь уезжает сегодня, я тебе говорила.

Надежда (*не сразу*). Он что же, серьезно был ранен?

Любовь. Пустяковая царапина. Сейчас ты бы даже не заметила...

Надежда. Да. Сейчас я бы не заметила. (*Усмехнулась.*) Ну, не расстраивайся, Любка, и не старайся ты быть тактичной. Однажды один человек выдвинул следующую идею — собрать всех тактичных в одну комнату и ничем их не кормить, кроме селедки. Сейчас я бы с большим удовольствием провела эту идею в жизнь.

Пауза.

Вера. А ты очень уставала... на фронте?

Надежда. Очень. Особенно когда фокусы... (*Улыбнулась.*)

Да... А любили меня главным образом за них, санитарок было много, но фокусы умела показывать я одна. (*Задум-*

Все обернулись. Надежда стоит возле двери, придерживаясь рукой за этажерку. На ней поношенная краснофлотская форма и очень просторные лапачные валенки, на плечи накинут теплый Верин платок. Все немного смущены, отчего молчание длится больше, чем следовало.

Гаврилова (неуверенно). Ну вот, собрались суеверные. Вы, может, и в черных кошек еще верите?

Надежда. В черных кошек у нас Любка верит. (Протягивает руку в ее сторону.) Здравствуй, Гаврилова... И здесь Маруся, кажется?

Маруся (чересчур бодро). А, Надька... привет!

Надежда. Фу-ты, оглушила! Ну-ка, покажите, где у вас тут стул. Я сяду лучше.

Любовь. Вот кушетка... (Ведет ее.) Садись по старой памяти.

Гаврилова. Мы пойдем с Марусей. (Вере.) Я в МК партии поеду, а ты по своей линии действуй. Вечером встретимся.

Маруся. Счастливо. (Уходит с Гавриловой.)

Надежда. Девочка славная. Голосок тонюсенький. Она мне стихи читала: «Бармалей, Бармалей любит маленьких детей...». (Пауза) Ну рассказывайте, как вы тут жили без меня.

Вера. Да я уж рассказывала. Трудно было. Очень. Особенно последний месяц. Завод мы эвакуировали, а тут стали танки с фронта приходить. А оборудования у нас никакого. В корпусах стекла выбиты, мороз, ветер. Инструменты из дому тащили, у кого что есть. Потом на свалке два станка обнаружили допотопной системы — ничего, приладили и пустили. Из Большого театра токарный станок приволокли — Данила его там обнаружил, забавный такой гномик. Вот и собрали с миру по нитке. Московский комитет партии нам очень помогал, чуть что — мы сразу туда за помощью... Да. Одно плохо — положение у нас какое-то нелегальное. Все на Урал к Заварыкину отправить нас собираются, просто влюблены в эту идею.

Надежда. А как у него дела на Урале?

Вера. Что ж, ругать не приходится, дал первые танки. Нам-то

понятно, чего это ему стоило... Жаль только, против нас враждует, разные козни строит. Иной раз до того обозлишься — спасения нет, а потом войдешь в его положение, ну и посылаешь ласковый привет.

Любовь (*задумчиво*). А странно, как подумаешь, — где-то далеко друзья, приятели и завод. Гоша бюллетени вывешивает, Дуська с Коркиной враждуют, а Островер опять чего-нибудь изобрел...

Вера. Люба у нас очень изменилась, правда? Ты посмотри на нее. (*Осеклась.*)

Люба машет на нее рукой. Надежда сидит неподвижно.

Надежда. А у вас тепло здесь... Это что за книжка?

Любовь. «Манон Леско». Очень интересная.

Надежда. Помню такую. (*Пауза.*) А где же кот Жора?

Любовь. Эвакуировался...

Надежда. Тише! Кажется, шаги... (*Прислушивается.*)

Вера. Нет.

Надежда. Значит, показалось. (*Не сразу.*) А что Шеремет, он знает, что я приехала?

Вера. Вряд ли. Он ведь уезжает сегодня, я тебе говорила.

Надежда (*не сразу*). Он что же, серьезно был ранен?

Любовь. Пустяковая царапина. Сейчас ты бы даже не заметила...

Надежда. Да. Сейчас я бы не заметила. (*Усмехнулась.*) Ну, не расстраивайся, Любка, и не старайся ты быть тактичной. Однажды один человек выдвинул следующую идею — собрать всех тактичных в одну комнату и ничем их не кормить, кроме селедки. Сейчас я бы с большим удовольствием провела эту идею в жизнь.

Пауза.

Вера. А ты очень уставала... на фронте?

Надежда. Очень. Особенно когда фокусы... (*Улыбнулась.*) Да... А любили меня главным образом за них, санитарок было много, но фокусы умела показывать я одна. (*Задум-*

малась.) Помню такой случай. Во время боя мне надо было проползти, ну, метров этак триста. Место это простреливалось довольно интенсивно, а ползла я в компании с очень симпатичным дяденькой,— правда, он мало что соображал и передвигался не очень самостоятельно. Ну, в общем, эти триста метров запомнились. И вот, когда мы с ним доползли до укрытия, я подумала: «А ведь, пожалуй, это мой лучший фокус». (Помолчав.) Странно, вы сейчас даже не рассмеялись, а ведь тогда эта мысль показалась мне очень остроумной.

В е р а (тихо). А ну тебя!

Л ю б о в ь. Ты не велела быть тактичной — ладно, не буду. Скажи, как это у тебя случилось... с глазами?

Н а д е ж д а (помолчав). Ну, этот эпизод не такой остроумный, и совсем уж неинтересный. Я его приберегу на тот случай, когда поправлюсь. Кстати, за это время присочиню к нему что-нибудь поэфффектнее, так что потерпи, Любовь Петровна... (Неожиданно.) А что Шеремет, он спрашивал про меня?

В е р а. Конечно.

Н а д е ж д а (не сразу). Вы не говорите ему обо мне. Ладно? Пусть не знает.

Л ю б о в ь. Почему, Надька?

Н а д е ж д а (негромко). Я люблю его... Очень. Это уж давно, давно случилось. (Помолчав.) Нет! Не хочу, чтобы он меня такой увидел... (Горячо.) Я ему что хочешь простить могу, только не жалость. Понимаете?

Д а н и л а (в дверях). Ну, чай вскипел, иди завтракать. Варька тебе компанию составит.

Н а д е ж д а. Дай же мне руку, чудак!

Данила быстро к ней подходит и ведет ее.

Я тебя сейчас, Данька, дразнить буду.

Д а н и л а. Чем же это ты меня можешь дразнить?

Н а д е ж д а. Чем? Балтийским морем. Все-таки я там была, а ты нет.

Уходят.

Любовь (не сразу). Какая она... красивая, правда? И счастливая... А мы не умеем, как она. Смелости не хватает!

Вера. Ты тоже будешь счастливая, Любовь.

Любовь (с надеждой смотрит на сестру). Ей-богу? (Опустила голову на плечо Веры.) А правда, если бы был жив Колька, он был бы нами довольный. Он бы сказал: «Ну, сестры Ивановы, ну и ну!»

Вера (легонько ударяет ее). Не хвастайся, Любка!

Любовь. Нет, хочу хвастаться! Ей-богу, мы ничего! Вернее, очень даже чего! Особенно Надька. И потом — нам море по колено.

Вера. Ну, море по колено главным образом тебе.

Любовь. Тебе тоже по колено.

Вера. Мне не совсем...

Пауза.

Любовь. Просто тебе не всегда везет.

Вера. Вот именно.

Любовь. погоди, еще повезет.

Вера. А может... поздно?

Любовь (яростно). Нет! Нет! Ты не смеешь так думать! Ведь мы такие испытания видели, такую горечь и обиду, которые и во сне никому не снились. Мы теперь обязаны быть счастливыми... иначе нам грош цена! А мы не такие. Вспомни отца, вспомни Николая... (Падает на кушетку.) Ну, давай еще хвалиться!

Вера (обнимает ее). Давай... Это верно все, что ты говоришь...

Любовь. И не позволяй себе быть несчастной... Не позволяй, понимаешь, Верка?

Пауза.

Вера (улыбнулась). Постараюсь! (Подошла к окну.) Любовь!

Любовь. Что там?

Вера. Шерemet идет.

Любовь. Ни слова ему о Надьке!

В е р а. Скажи Даниле, пусть не выпускает ее из комнаты. Скорее, Любовь...

Л ю б о в ь убегает в соседнюю комнату. С улицы входит Ш е р е м е т. Он очень замкнут, сосредоточен и тих. Кажется, будто он говорит одно, а думает другое.

Ш е р е м е т (медленно). Привет! Уже встали? Я сейчас машину по шоссе гонял, до свиносхоза...

В е р а. Когда едешь?

Ш е р е м е т. Вечером. (Помолчав.) Я к тебе, собственно, насчет Смагина. Отпусти его со мной. Машина моя обезлюдела, один я остался, а Витьке это на пользу, он в тылу свое отсидел.

В е р а. И не думай! Токарь шестого разряда! Да он у нас через месяц мастером будет!

Л ю б о в ь (входит и плотно закрывает за собой дверь). Женя, ты тише говори, там девочка уснула.

В е р а. Слыжала? Смагина увезти с собой хочет.

Л ю б о в ь. С ума сошел! Нет, это уж дудки, дорогой товарищ!

В е р а. А сам-то он, неужели согласился?

Ш е р е м е т. Вещички уложил, сейчас прощаться сюда придет.

В е р а. Чудеса! И долго ты его агитировал?

Ш е р е м е т. Он Думбадзе мертвого из танка выносил, Алешка на его глазах умер... Ты думаешь, можно это забыть?

Пауза.

В е р а (негромко). Нет, я не думаю, что это можно забыть, Шеремет.

Ш е р е м е т (задумчиво). Да, Алексей... Мне Коробейников сказал: «Он был талант, ваш Алеша». И показал его тетрадку. Была у него такая заветная. Там его записи: танк-амфибия новой конструкции. «Я закончу эту работу за него,— сказал Коробейников,— он был талант, ваш Алеша».

В е р а. Да...

Пауза.

Ш е р е м е т. Когда вернется Надежда, расскажи ей про Алешку. Он любил ее так сильно, как никто из нас не сможет. Она даже не знала об этом, так сильно он ее любил. Он был чудак парень, но мы никогда не сможем так любить, как он. И так молчать.

В е р а (медленно). Ты думаешь?

Ш е р е м е т. Я это знаю.

Л ю б о в ь. А если Надежда спросит... про тебя? Что ей сказать, Женя?

Ш е р е м е т. Она не спросит. Но если... (Крепко затянулся папиросой, пустил дым.) Скажи — все убито.

Молчание. Шеремет курит. Сестры переглянулись в смятении.

С м а г и н (входит сияющий). Девушки, здравствуйте! Я прощаться пришел.

В е р а (очень рассердилась). С чем прощаться? С комсомольским билетом? Это ты уже проделал однажды, и если тебя восстановили, то вторично этого не произойдет. Так и запиши.

С м а г и н (смешался). А что такое? Я чего-то мало соображаю.

Ш е р е м е т. Не пускают тебя со мной, Витенька, считают, что ты незаменимый герой тыла.

С м а г и н. Вера Петровна, неужели у тебя доверия нет к моей храбрости? Конечно, не скрываю... как началась война, произошла в душе некоторая заминка: не то чтобы струсил, а как-то риску принимать не хотелось... А теперь вот огляделся и нашел подлинное ощущение. Нет, я призадумался...

Л ю б о в ь. Брось, Витька, сиди и не рыпайся! И еще Верке спасибо скажи, что в комсомоле восстановили.

С м а г и н. А предположим, я на ваши слова не посмотрю, соберу вещички — и до свидания?

В е р а. Опять выгоним.

С м а г и н. Ну, это уж петрушка какая-то получается! Сначала за трусость выгоняют, а когда человек геройство хочет по-

казать, опять тем же грозятся... Не вижу логики, Вера Петровна.

Ш е р е м е т. Правильно, нажимай, Витенька! Ты, главное, стой на своем,— может, и выговоришь какую льготу. *(Идет к двери.)* Мне за пропуском идти надо, вечером на заводе прощаемся. *(Уходит.)*

В е р а *(Любе).* Ну вот, ушел. Я так боялась: вдруг, думаю, войдет Надежда...

Л ю б о в ь. Что же теперь с ней будет? Не любит ее, сам ведь сказал...

В е р а. А врать ему причины нету.

Пауза.

С м а г и н *(гнусаво).* Вера Петровна...

В е р а *(разозлилась).* Ну тебе-то еще чего? Удивительный ты все-таки трепач, Смагин!

С м а г и н *(возмущенно).* Вера Петровна, вот ты сейчас меня трепачом назвала... *(Подумал.)* Это правильно. Но кто тебе сказал, что трепачам на войне не место? Особенно ежели трепач абсолютно годный...

В е р а. Сейчас же убирайся! Слышишь?

С м а г и н. Нет, ты погоди, ты без волнения выслушай. Я понимаю, когда ценный человек уходит, тебе должно быть обидно. Ведь ты всего нашего дела душа. Героическая личность! Две недели с территории завода не уходила. Изыскивала, спланировала, добивалась, большой организаторский талант, можно сказать, проявила... Эх, будь я самая главная власть, я бы тебя за твои героические поступки директором назначил!

В е р а *(вышла из терпения).* Знаешь, Смагин, я сейчас возьму тебя за шиворот, и ты у меня так загремишь с лестницы, что...

К о р о б е й н и к о в *(он вошел несколько раньше).* Боюсь, Веруша, это наша общая участь.

Л ю б о в ь. Опять что-нибудь случилось?

К о р о б е й н и к о в. Заварыкин перешел в наступление. Ну-с,

и, кажется, не без успеха... Я к вам прямо из наркомата, мне не хочется огорчать вас, Вера, но... (С усилием.) Нам отказано. Мастерскую решено ликвидировать. И, наконец, самое неприятное: от Заварыкина только что получена телеграмма, он требует немедленного выезда на Урал и сообщает, что против наших действий им послан протест в Государственный Комитет Оборона.

Молчание.

Любовь (подавленно). Ну, это уж... Это он загнул...

Вера (вскакивает и торопливо начинает одеваться). Нет! Нет и нет!.. Наша мастерская нужна фронту, это жизнью доказано... Мы нужны, мы необходимы и, значит, должны существовать. Нам помогут, я уверена в этом. Я еду...

Гаврилова (входит). Ехать незачем, Вера.

Вера. Почему?

Гаврилова. Я только что зонила в МК по телефону, они просили не приезжать. Все материалы со своей резолюцией они переслали в Комитет Оборона. Сказали: «Ждите». Всё.

Вера. А как они сказали «ждите»? Каким тоном?

Гаврилова. Обыкновенным. Очень усталым.

Молчание.

Данила (входит). Вы потише, Варя уснула.

Гаврилова. На завод из райсовета только что приехали, территорию осматривать. «Нам, говорят, доподлинно известно, что вас ликвидируют».

Смагин. Обыграли. Счет четыре-ноль в пользу Заварыкина.
Сухая, Донат Алексеевич.

Любовь. Молчи ты!

Молчание.

Маруся (вбегает с улицы запыхавшись). Донат Алексеевич, за вами машина... В Комитет Оборона вызывают!
Общее волнение. Все встают.

Смагин. Пять-ноль.

Гаврилова. Вот оно..

Коробейников. Где машина, Маруся?

Маруся. Здесь, возле дома.

Коробейников (взволнован). Так.

Вера. Оттуда приезжайте прямо к нам. Вы понимаете, как мы будем вас ждать, Донат Алексеевич?

Коробейников оглядывает всех и, легко кивнув головой, быстро выходит. Молчание. Все сидят по углам. Только Вера беспокойно бродит по комнате.

Смагин. Может, в подкидного сыграем? На прощание...

Никто не отвечает, он всем явно надоел.

Данила (смотрит на часы). Половина второго.

Маруся. Какие у вас часы выдающиеся!

Данила. Ну? (Смотрит на нее критически.)

Гаврилова. Верка...

Вера (ходит). Что?

Гаврилова. Ох и выговор нам влепят! Чует сердце...

Смагин. Выговор — это хорошо. Я в свое время мечтал о выговоре. Может, вас и вовсе попросят. Не все же меня...
Надо внести разнообразие.

Вера посмотрела на него, махнула рукой и отошла к окну.

(Грустно.) Ох! Опять мой юмор ни до кого не доходит...

Идет к патефону, ставит пластинку. Играет какая-то пустяковая музыка. Все сидят и внимательно слушают. Гаснет свет. Когда свет зажигается, мы видим Надежду, вышедшую из соседней комнаты. Все сидят по углам и мрачно слушают очередную пластинку — разговор двух клоунов. Клоуны умирают от смеха. Любовь встает, снимает пластинку и выходит с ней на кухню. Слышится треск. Любовь возвращается без пластинки и молча садится на свое место.

Смагин. Правильно.

Любовь (мрачно). Ставь музыку.

Гаврилова. Стемнело на улице. Который час?

Данила. Половина четвертого.

Маруся. Вы любите музыку, Данила?

Данила. А как же! Я люблю музыку, вино и женщин.

Вера (решительно встает). Нет, не могу больше ждать! Поеду навстречу!

Гаврилова. Сиди лучше. Разъедетесь.

Вера (подходит к Смагину). И ты приуныл, Витя?

Смагин. Эх, Вера Петровна, я сейчас такое душевное противоречие переживаю... Сама посуди: закроют мастерскую — стало быть, я в отряде с Шереметом, а с другой стороны, обидно: ведь такое мы с тобой дело подняли... Кошмарное противоречие! Вроде как на стадионе — сидишь и не знаешь, за какую команду болеть. Уж это хуже нет.

Вера. Ладно, если все благополучно кончится, отпускаю. Болей за нас!

Смагин. Слово, Вера Петровна?

Вера кивает.

Начинаю болеть.

В дверях показывается Коробельников. Он виден только Смагину, которому и делает какие-то знаки. Смагин уходит за дверь и через несколько мгновений возвращается.

Любовь. Не очень, значит, ты в успех веришь, Верка, если Смагину такие обещания даешь.

Вера. Все-таки... Вдруг повезет на добром деле... (Оглядывается на Смагина, который возится с посудой возле шкафа.) Ты что это, Витенька?

Смагин. Не могу видеть грязной посуды. Вымыть хочу. (Выходит с посудой.)

Вера. Честное слово, у меня такое впечатление, точно все постепенно сходят с ума.

Пауза.

Маруся. По-моему, вы очень азартный, Данила. И жестокий. Данила. А как же! Я проиграл все состояние в карты и задушил свою первую жену.

Вера. Вот теперь эти... Действительно, кружится голова...

Дверь широко распахивается, входит Смагин с подносом, на котором стоят две бутылки шампанского, чашки, бокалы, кружки. Следом за Смагиным появляется Коробейников.

Донат Алексеевич... неужели?

Гаврилова (неожиданно рассердилась). Ну, это уже безобразие! Люди ждут, волнуются, а вы какое-то представление устроили... Немцы в сорока километрах от Москвы, а вы с шампанским!

Коробейников (улыбается). Милая Гаврилова, откуда нам с вами знать, в скольких километрах от Москвы находятся немцы в данную минуту?

Вера. Значит, мастерскую решено не ликвидировать?

Коробейников. Мастерскую ликвидировали.

Пауза.

Вера. Как? Зачем же вы тогда...

Коробейников. Решением Комитета Оборона мастерская ликвидируется и на ее базе создается танковый ремонтный завод с соответствующим номером.

Гаврилова (решительно). Дайте мне кружку, самую большую!

Любовь (счастливая). Не давать ей кружки, и пусть говорит он, он, он...

Коробейников. Поставить перед заводом задачу — перейти к весне от ремонта танков к выпуску новых машин. Назначить директором завода...

Смагин. Доната Алексеевича Коробейникова. Ура! (Выпивает свой стакан.) Простите, не удержался и выпил в порядке подхалимства.

Коробейников. Увы, но на этот раз вы ошиблись, Витенька; мне предложено завтра же выехать на Урал, к

Заварыкину. В порядке подхалимства вам придется выпить вторично, но на этот раз за здоровье... Веры Петровны Ивановой.

В е р а. Я? Меня?..

К о р о б е й н и к о в. Вас. (Негромко.) Комитет Оборонаы благодарит вас за инициативу, за вашу стойкость и желает всяческих вам успехов.

Любовь подходит к Вере и молча ее обнимает.

Г а в р и л о в а (тихонько). Ой, Верка!.. Счастливая ты моя...

К о р о б е й н и к о в. Очень хорошо мне сказали там: «Знаете, чем ваше дело всего дороже, товарищ Коробейников? Тем, что на пустом месте сошлись люди и, считая государственное дело своим, создали предприятие, нужное фронту...» (Улыбаясь, Любви.) Вот почему мы ни одной войны не проиграем, Любонька!

Н а д е ж д а (привстав). Ты где, Вера?

В е р а. Я здесь, Наденька.

Надежда идет на голос Веры. Подходит к сестрам, обнимает их.

Н а д е ж д а. И ты, Люба, здесь? Вот и хорошо... Выпьем втроем. (Чокается с ними своим стаканчиком.)

Все молча пьют.

К о р о б е й н и к о в. И еще... (Поднимает свой стаканчик.) За то, о чем мы все сегодня услышим.

М а р у с я. А что мы сегодня услышим?

К о р о б е й н и к о в. Нынче тринадцатое декабря. Запомните это число и слушайте сегодняшние радиопередачи. (Прикладывая палец к губам.) Тсс... Я ничего не сказал. А сейчас всем одеваться и скорее на завод. Я звонил Макееву, в пять часов назначен митинг. Нас ждут уже.

Все торопливо одеваются. Дальнейшая сцена идет на ходу, в суматохе.

М а р у с я (Даниле). Тут еще осталось. Выпьем на брудершафт или лучше за то, что каждый о каждом думает.

Данила. Черт возьми, я ничего ни про кого не думаю.
Гаврилова. Да... был один завод, а стало два. Забавненько!
Любовь. Донат Алексеевич, значит, завтра... завтра на Урал?
Коробейников. Но весной я вернусь. Я оставляю вам свою дочь. (Негромко.) Будьте ей матерью, Люба. (Протягивает ей руку.) Идем?

Любовь (смущенно улыбается и берет его руку). Идем? (Уходит с Коробейниковым.)

Смагин (уходя). Вера Петровна, слово помнишь?

Вера. Да... промахнулась я с тобой, Смагин, ну, да что делать, ступай, путаная душа. (Даниле.) А ты куда оделся? Кто с Варькой останется?

Данила. Что же вы, Вера Петровна, окончательно меня в няньку превратили?

Вера. Ничего, ты моряк, тебе характер вырабатывать надо. (Уходит.)

Последней идет Маруся. Она оборачивается на сидящую в стороне Надежду, быстро подходит к Даниле и неожиданно его целует.

Маруся (тихо, смеясь). Спокойной ночи... штурман! (Выбегает.)

Данила (он потрясен). Черт возьми....

Надежда. Кто это? Это ты, Данила?

Данила. Я ли это? Сомневаюсь. (Неожиданно и решительно поднимает свой стаканчик.) За милых женщин! (Прислушивается.) Кстати, одна из них, кажется, проснулась. Иду, Варвара Донатовна! Прости, Надя, удаляюсь на капитанский мостик! (Убегает.)

Надежда осталась одна в комнате. Она шарит рукой по столу и натывается на патефон, опускает мембрану и ошупью ищет край пластинки. Музыка «Ты помнишь наши встречи». Надежда слушает. Входная дверь медленно отворяется, на пороге ее Шеремет. Потрескивает печурка. Играет патефон. Шеремет оглядывает полутемную комнату и замечает сидящую Надежду.

Шеремет (все еще не веря). Надя... Наденька!

Надежда (привстала, ее руки дрожат, и она протянула их туда, откуда слышится его голос). Ты... (Вскрикнула.) Ты!

Шеремет хочет кинуться к ней, но сдерживает себя, и протянутые руки Надежды медленно опускаются. Музыка все еще играет.

Шеремет (закуривая папиросу). Давно приехали?

Надежда. Вчера вечером.

Шеремет. Интересно! Что же вас от людей прячут?

Надежда. Я устала с дороги.

Шеремет. Бывает.

Надежда. Ты ничего не знаешь? Тебе про меня ничего не говорили?

Шеремет (стойко). Надежда Петровна, насколько я помню, мы с вами на «ты» не переходили. (Пауза.) Впрочем, отвык от вашего общества и забыл ваш характер.

Надежда. Забыли?

Шеремет. А вы что думали — я ночи не сплю, ваш характер вспоминаю?

Надежда берет книгу, делает вид, что читает.

Видать, не помните вы, что за человек Женька Шеремет. (Останавливает патефон.) А теперь тихо! Я вам об истинной любви расскажу. Вы счастливая, Надежда Петровна, вы, правда, очень счастливая, потому что один человек вас так глубоко любил, как никто на свете не сумеет.

Надежда. Не понимаю... Кто же это?

Шеремет. Вот, смотрите, мы с ним у Наро-Фоминска снимались. (Вынимает фотографию.) Десятое ноября, мы стоим возле танка. Это вот Думбадзе — теперь убитый, это я — с папиросой, а вот он стоит, улыбается.

Надежда. Кто?

Шеремет. Алексей.

Надежда. Алешенька...

Шеремет (протягивает ей фотографию). Вот он... смотрите.

Надежда. Гляжу.

Шеремет. Видите?

Надежда. Да.

Шеремет (всматривается в нее и все понимает). Наденька...
(Медленно опускается на колени.)

Надежда (тихонько). Вот так...

Пауза.

Шеремет. Нет! Я все, все тебе скажу — всю правду... Прости, Алешка! (Берет Надины руки.) Я люблю тебя больше жизни, как Алексей... Может быть, сильнее!

Надежда (вырываясь). Я не верю тебе... Ты жалеешь, ты жалеешь меня, Женя!

Шеремет (обнимает ее и целует). Ну? Разве это жалость?

Надежда. Нет... Нет... (Ласково проводит рукой по его волосам.) Тихо как...

Шеремет. Да.

Долгое молчание.

Слышишь, ходики тикают?..

Надежда (тихо). Это время бежит, Женя...

Шеремет. Куда?

Надежда. Нам навстречу. (Улыбнулась.) Мы с тобой счастливые, правда?

Шеремет. Очень. (Посмотрел на часы.) А теперь прощай.

Надежда. Так скоро?

Шеремет. Да. Пора.

Шеремет идет к двери. Из репродуктора доносится перезвон позывных Советского Союза. Шеремет останавливается в дверях, и тогда мы слышим знакомый голос диктора: «Слушайте сообщение Совинформбюро... Провал немецкого наступления на Москву...»

Надежда. Слышишь?.. Слышишь, Женя?

По радио передают военный марш.

Шеремет (берет Надежду за руки). Пусть без меня тебе будет всегда весело.

Надежда. Пусть тебе без меня будет всегда не страшно. Иди!

Занавес

1943 (редакция 1954 г.)